

Мари Клармон
Возрожденная любовь
Серия «Безумные страсти», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17046855
Возрожденная любовь: [роман] : АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-089032-3

Аннотация

Молодая ирландка Маргарет Кассиди отчаянно нуждается в деньгах, чтобы помочь своему брату, и потому вынуждена принять предложение английского аристократа о браке с его сыном, виконтом Пауэрзом, который после трагической гибели жены и маленькой дочери утратил интерес к жизни.

Но со временем в душе прелестной, доброй Маргарет пробуждается нежное чувство к супругу. Сумеет ли она научить этого отчаявшегося, замкнувшегося в себе человека радоваться жизни, подарить ему новое счастье и новую, страстную любовь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мари Клармон
Возрожденная любовь
Роман

Maire Claremont

The Dark Affair

© Maire Claremont, 2014

© Перевод. Н. А. Аниськова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

*Лондон
1866 год*

Лорд Джеймс Стенхоуп, виконт Пауэрз, готов был прикончить стоявшую перед ним наглуго ирландку. Медленно и мучительно. Он собирался убить ее за то, что посмела упомянуть его жену. За то, что осмелилась прошептать имя его дочери. Он собирался разорвать ее в клочья за то, что она предположила, будто он, сын графа Карлайла, безумен.

– Милорд? – спросила она; ее голос возвышался над воющими и лающими голосами, разносившимися среди похожих на клетки комнат психиатрической лечебницы.

Джеймс моргнул. Тени единственной в камере газовой лампы танцевали над ней. Его мысли внезапно перенеслись к шороху ее накрахмаленных юбок. К тому, как они облегают ее бедра и тоненькую затянутую в корсет талию. Невероятно: она была такой миниатюрной, даже не доставала ему до плеча. Наверняка была не выше его груди. Наверняка. Да, как волшебный эльф.

Виконт потряс головой, но движения казались скованными, словно сквозь мутную воду. О чем он думал? Ах да. Он разозлился на крошечное существо, был в ярости. А теперь? Он сглотнул, комната покачнулась под ногами, и его тело накренилось в воздухе... И все же он не упал. Лорд Стенхоуп держался на ногах прямо и твердо, несмотря на предательское чувство, будто его уносит течением. Он распахнул глаза как можно шире и пробурчал сквозь неприятное головокружение:

– Что вы сказали?

Она шагнула ближе, ее мягкие медные волосы сверкали в полутьме.

– Я только спросила разрешения называть вас по имени, милорд, а не о полной истории вашего злоупотребления опиумом.

Господи... Как же ее рот двигался, пока она говорила... Как до безумия сладострастно звучал ее глубокий ритмичный голос... Даже ее розовые губы были сочными. Умопомрачительное произведение эротического искусства: роскошные, слегка сжатые – не для поцелуя, а от неодобрения. Виконт поднял бровь, намереваясь поставить ее на место. Крайне сложная задача, учитывая, что он был заключенным, а она следователем. И то, что его мозг, казалось, действовал по собственному усмотрению, без всякого смысла и логики, тоже не помогало.

Лорд Стенхоуп уже несколько дней не принимал опиум, но по-прежнему чувствовал себя в его власти. Это беспокоило больше всего.

– Пауэрз, – произнес он твердо.

Она фыркнула. Ее вздернутый носик, незапятнанный обычным проклятьем рыжеволосых – веснушками, раздраженно наморщился.

– Это ваш титул. Я снова прошу разрешения называть вас по имени.

В приглушенном свете ее кожа казалась прозрачной. Виконт спрашивал себя, коснется ли он смертной плоти, если протянет руку и дотронется до нее? Или ладонь пройдет насквозь через казавшуюся призрачной женщину?

– Мое имя было только для одной женщины. – Почему стало так сложно говорить? Он сглотнул и медленно добавил: – А вы не она.

Ирландка склонила голову набок. Ее кудри, убранные назад в тугий шиньон, выбились у виска и упали на высокие скулы.

– И вы не сделаете для меня исключения? – Она улыбнулась. Дьявольски обаятельная улыбка эльфа. – Для такой милой крошки, как я?

Он улыбнулся в ответ:

– Я скорее вам руки оторву.

Ее коричневые брови поднялись, потрясающе имитируя его собственный жест.

– В самом деле? Как было бы жалко, ведь мне так нравятся мои руки. – Она облизала губы...

Ни в коей мере не соблазнительный жест, поскольку ничего вызывающего не было в ее сдержанном поведении, источавшем пристойность от кончиков зашнурованных ботинок вверх по угольному платью и до накрахмаленного белоснежного воротника, стягивающего прямую шею.

– Как вы не понимаете? Я хочу, чтобы мы общались на равных. И если вы не желаете вести себя как джентльмен, то я вынуждена перестать быть леди.

Перед ним вспыхнуло видение ее обнаженного белого тела, распростертого на каменном полу, ее целомудренные серые юбки задраны до талии, белые ноги раздвинуты, чулки сползли по бедрам. Он бы ею наслаждался. Зарылся бы лицом в ее сладкие горячие складки. Пронзившее его желание было таким сильным, что он едва мог сдерживаться. Но эта дама казалась мраморной, идеальной, гладкой. Белой как фарфор, но горячей. Она не была бы холодной в его руках. Нет. Она стала бы дикой, ненасытной и горячей, открытой для его языка и ласк.

– Как интересно, – произнес он, с трудом обретя голос среди странно путавшихся мыслей, и размышляя, может ли такая женщина когда-либо опуститься до его полного отсутствия приличий. – Я бы с удовольствием посмотрел, как вы перестанете быть... леди.

Она покраснела, но потрясающий взгляд сощурившихся глаз по-прежнему оставался твердым. Господи, ее глаза были грешного цвета вест-индских вод, которые делали мужчин пиратами. Может, ее глаза и его довели бы до грабежа. Что бы там ни было, ему хотелось разжечь в них огонь... и когда огонь разгорится, она сделает все, что захочет лорд Стенхоуп. Она освободит его из этого сумасшедшего дома: ему здесь не место.

– Ваши мысли пребывают в той же канаве, в которой нашли и вас... Джеймс.

Джеймс.

Глубокая боль, пронзившая сердце, вывела его из туманного ступора. Виконт метнулся вперед, его длинные ноги проглотили пространство, он толкал ее назад, даже не дотрагиваясь, пока наконец она не врезалась в каменную стену позади. Он выбросил руки перед собой и уперся ладонями в стену по обеим сторонам ее головы. Холодная поверхность отозвалась глухим звуком под ладонями, когда он зажал ирландку между своим телом и каменной стеной. К ее чести она не вздрогнула, несмотря на то что он возвышался над ней.

Толкавший его вперед гнев не давал ему качаться или снова потерять мысль, когда он прошипел с предостережением:

– Еще раз назовете меня Джеймсом, и вы труп.

Только жена могла называть его Джеймсом. Только жена. И она... София... Софии больше нет. Однажды была другая женщина – такая же, как он, поглощенная опиумом, – которая, как ему казалось, могла бы называть его по имени. Но это была ошибка: она принадлежала другому. И поэтому больше никто не будет снова называть лорда Стенхоупа Джеймсом.

И уж, конечно, не эта девчонка, посмевавшая войти к нему в камеру и обращаться с ним как с подопытным насекомым в коробочке.

– К счастью, я заблаговременно приготовила себе место среди ангелов и не боюсь умереть. – Ее грудь, затянутая в корсет, поднимавшаяся и опускавшаяся в такт быстрым вдохам и прижатая к стягивающей ткани лифа, опровергала ее спокойные слова. Ее взгляд встретился с его глазами: уверенный, спокойный, бесстрашный... и интригующий. – Вы же, кажется, направляетесь к воротам ада.

– Мы с адом хорошие друзья, – прорычал он тихо, опуская губы ниже, пока они не оказались на расстоянии вдоха от мягких волос сирены. – Мы всегда рады новым членам.

По другую сторону толстой железной запертой двери послышались шаги. Его взгляд на мгновение метнулся к выходу. Смотрители почувствовали его неповиновение, приготовились войти разом и вбить в него послушание. Обычно, чтобы стреножить Пауэрза, требовалось по крайней мере трое.

Из всех мест, куда виконта могли отправить, это было одним из лучших. И все же его злило, что он вообще тут очутился.

Даже несмотря на то что Джеймс находился так близко к девчонке, она не позвала смотрителей, чтобы те связали его, как делали остальные. За те несколько дней, что его здесь держали, бесчисленные люди, посланные его отцом урезонить его, бежали почти мгновенно, оставляя Стенхоупа бесноваться в оковах.

Почему она не боялась? И о чем, черт возьми, думал его отец, посылая к нему эту миниатюрную женщину, когда он в таком состоянии?

Ясно, что отец в отчаянии. Ни при каких других обстоятельствах старик не послал бы женщину, и к тому же ирландку.

Виконт скользил взглядом по ее лицу, задерживаясь на этих сочных губах... Он не мог вспомнить, когда в последний раз был с женщиной. По меньшей мере прошли месяцы. Он бросил их задолго до того, как попал в эту клетку. Не мог выносить пустоту этих совокуплений. Но эта... В ней было что-то неоспоримо уникальное, словно она могла ударить его учительской линейкой и потом поцелуями прогнать боль.

Она легко цыкнула, игнорируя его нападение и попытки выбить ее из колеи.

– Вот что вы сейчас делаете? Такое поведение только укрепит ваше положение в этом месте. – Она посмотрела вверх, ее потрясающий взгляд окинул промозглую камеру, сырой интерьер и непропорциональную постель. – Вы этого хотите?

Джеймс помедлил, размышляя над ее словами. Он не был безумен. Не был. И все же отец поместил его сюда. Для блага своего сына, как сказал старик. Тонкий, вкрадчивый голосок в его голове прошептал, что, возможно, он все же безумен. Безумнее, чем любой отравленный ртутью болванщик. Эта мысль потрясла Джеймса, заставляя дрожать от ярости и боли, от того, что это случилось с ним.

– Мои желания вас не касаются.

– Увы, касаются. – Ее осторожный взгляд безжалостно зондировал Стенхоупа. Пробираясь сквозь все преграды, намеренный сломать его. – Без моего приказа вы останетесь в этой камере.

«Да кем она себя возомнила?» Он ударил ладонью по стене, не желая чтобы им управляли.

– Вы не можете меня здесь держать!

Она моргнула, но потом вызывающе вздернула подбородок.

– Могу.

Виконт тяжело сглотнул, его взгляд мгновенно поплыл. Способность держать себя в руках покидала его под напором ее слов. Быстро. Желание от нее избавиться, заставить ее уйти, чтобы эта леди, полная красоты и самообладания, не видела его в таком отвратительном состоянии, заставило его застонать.

– Проваливайте.

Очевидно, подобные оскорбления были для нее не впервой, поскольку ее хладнокровие не пострадало.

– Ну же, вы ведь не думаете, что подобная околесица вам поможет?

Как давно она этим занимается, что ее не волнует его грубое обращение? Сколько мужчин оскорбляли ее? Нападали на нее? Мысленно раздевали ее, совокуплялись с ней? Одно

упоминание об этом вызывало у Джеймса отвращение. У него все внутри напряглось и загорелось неожиданной яростью и желанием уничтожить всех этих мужчин. Даже в его странном состоянии. Но он не желал, чтобы она поняла, что ему не все равно. Что он способен думать о чьем-то благополучии.

– Мне совершенно наплевать.

Она откинула голову назад, тугий узел волос ударился о скользкую стену за ее спиной.

– Я в это не верю. Ради всех святых на небесах. – Она помедлила. – Вы не знаете, кто я, но я знаю вас. Вы – хороший человек. Вы не тронете женщину, милорд. Единственный, кому вы причиняете вред, это вы сами.

Стенхоуп фыркнул.

– Только поэтому ваш отец смог убедить меня прийти сюда.

– Очень глупо с вашей стороны.

Она сжала идеальные губы и произнесла:

– Вы забросили себя и того человека, которым можете быть.

Джеймс тяжело втянул воздух, раздраженный тем, что не знает, о чем она говорит. – Вы ничего обо мне не знаете.

Ее взгляд смягчился.

– Я знаю, что вы послали три тысячи фунтов в Ирландию. На запад.

Он моргнул и задумался. Невозможно, чтобы такая мелочь заставила ее думать о нем хорошо, ведь так?

– И?

Она вздохнула.

– Вы хоть знаете, скольких вы спасли? Только благодаря этим деньгам моя семья смогла позаботиться об умирающих от голода¹.

Ирландка говорила так искренне, что виконт отвел взгляд.

– Это были всего лишь деньги.

– Они были очень важны, – произнесла она твердо. – И я не позволю вам об этом забыть.

– У вас нет власти заставить меня делать что-либо.

– Тут я должна с вами не согласиться. Ваш отец дал мне такую власть. На время.

Пальцы Джеймса сжались, ногти слегка царапали шершавую поверхность, он отчаянно желал дотронуться до чего-то столь восхитительного, как ее волосы. Каково это снова прикасаться к чему-то прекрасному? Каково чувствовать, как что-то прекрасное позволяет прикоснуться к себе?

То, как ирландка на него смотрела, словно он не был последним отбросом общества, затронуло что-то глубоко внутри его, побуждая поверить. Но он не мог. Он слишком далеко зашел по дороге разрушений, чтобы когда-нибудь вернуться назад.

– Я могу вам помочь, – прошептала она.

Виконт разжал руки, испытывая отвращение от того, что помышлял дотронуться до нее или что она действительно может ему помочь. И поскольку ему нужно убедить ее в этой простой мысли, он склонил голову к ней и пробормотал:

– Как прискорбно, что вы так считаете.

---

¹ Великий голод, или Ирландский голод – период массового голода, болезней, смертей и иммиграции в Ирландии между 1845 и 1852 годами. Около миллиона человек умерли и еще миллион иммигрировали из Ирландии (в основном в Америку), что привело к сокращению коренного населения страны примерно на 25 % (здесь и далее примеч. пер.).

Глава 2

Реакция ирландки оказалась совсем не такой, как он ожидал. По правде сказать, Джеймс начинал подумывать, не провалился ли он в кэрролловскую кроличью нору. Несомненно, его жизнь перевернулась с ног на голову.

Вместо того чтобы содрогнуться от его жестоких слов, она оставалась неподвижной и просто сказала:

– Ваш отец и соответственно комитет, управляющий этим заведением, считают, что для вашей безопасности вас надо держать под наблюдением. Все потому, что вы не в состоянии больше контролировать свой гнев... и ваше пристрастие к опиуму.

Он дернулся, его руки соскользнули со стены.

– Прошу прощения?

– Вы будете считаться сумасшедшим и находиться в руках докторов, пока я не скажу вашему отцу, что согласна взять вас под свою опеку. – Ирландка слегка изогнула брови. – Какая ирония, не правда ли? Ничтожная девчонка распоряжается могущественным виконтом Пауэрзом?

Комната снова завертелась, и Стенхоуп закрыл глаза, отчаянно пытаясь удержаться на ногах. Он потянулся и схватил ее за запястье.

– Я вам не верю.

Ирландка напряглась, но не закричала. Не издала ни звука. Только вызывающе смотрела прямо ему в глаза, призывая его сделать правильный выбор, не безумный. Несмотря на это, когда его пальцы сжали ее запястье, Джеймс не мог не смаковать ощущения ее хрупких костей и гладкой кожи под его загрубевшими руками. Словно он прицепился к якорю, который удержит его и не даст унести в бушующие морские волны.

– Я знаю, когда вижу человека, варящегося в котле, исполненном собственной боли. Почему бы вам мне об этом не рассказать?

Джеймс фыркнул.

– Мне не нужна ничья помощь. И я не собираюсь с вами говорить о подобных вещах.

– Разумеется, но разве вы не можете сделать исключение, исходя из сложившихся обстоятельств? – спросила она. – Вы ведь не хотите оставаться здесь, пока они не свяжут вас как рождественского гуся?

Господи боже мой! Как, черт возьми, он здесь оказался? В этой комнате. С этой хладнокровной ирландской крошкой, отпускающей шуточки по поводу его заключения? Он, виконт Пауэрз, в сумасшедшем доме. Ах да... Отец засунул его сюда. Но почему? Из-за того, что он устроил несколько дебошей в последние недели? А кто не устраивал? Хотя последний был, конечно, особенно плох. Стенхоуп с трудом мог вспомнить большинство дней, только окровавленные и покрытые синяками кулаки и запах раскуренного опиума. Но это вряд ли можно считать...

– Вы меня слушаете, Джеймс? Если да, то будьте добры, отпустите мою руку.

Вместо этого он медленно притянул ирландку и переплел вместе их пальцы, держа ее за руку так, словно кавалер на прогулке в парке. Она ведь хотела быть ближе, правда?

– И как вас зовут?

От его неожиданно настойчивого, но нежного прикосновения у нее дернулась скула.

– Маргарет.

– Мэгги. – Он мрачно улыбнулся.

– Маргарет, – поправила она.

Виконт отпустил ее руку и отступил на шаг, глаза горели и его немного покачивало. – Мэгги, если вы еще хоть раз назовете меня Джеймсом, я затолкаю эти простыни вам в глотку.

Она слегка дернулась от неожиданного движения, но распрямилась и сложила руки поверх своих юбок.

– Какое интересное предложение.

– Интересное? – повторил он, недоверие трещало в голове, смешиваясь с расплавленным ощущением собственных мышц и костей. Почему она, черт побери, не убирается, как все остальные? Девчонка или смерти ищет, или невероятно тупа. Виконт решил, что последнее.

Маргарет кивнула, ее взгляд блуждал по матрасу, на котором явно не было никакого белья.

– Вам нравится, когда вас пичкают лекарствами, милорд?

Он слегка покачал головой, борясь с туманом, окутывавшим последние дни его жизни.

– Лекарствами?

– Конечно. Они дают вам морфий, – мягко произнесла она. – Вы разве не знали?

Он оторвал от нее взгляд и с усилием оглядел комнату в поисках чего-нибудь – чего угодно, что удержало бы нарастающий внутри приступ паники. Морфий? Неудивительно, что он чувствовал себя потерянным. Потерянным. Таким потерянным и злым. Пустое отчаяние зашевелилось в животе. Как заставить их прекратить давать ему эту дрянь? Чтобы обрести хоть немного ясности. Немного времени. Времени доказать, что он не полностью потерял контроль.

– Нет. Не знал. Но чувствовал, что...

Маргарет чуть-чуть сдвинулась, глядя на дверь.

– Что, что-то не так?

Виконт слегка кивнул, его зубы заскрипели: так крепко он сжал челюсти.

Ирландка снова повернула к нему свое спокойное лицо и серьезно произнесла:

– Может, вы поговорите со мной о Софии, если отказываетесь говорить о себе?

Соппротивление, готовое взорваться внутри, превратилось в горящую горку пепла, мокнущую под изнурительным лондонским дождем. Все, чего он хотел, это дотащить уставшее тело до постели, рухнуть в нее и свернуться в тугой узел.

– Она умерла. – Слова резонировали по комнате, отталкиваясь от окружавшего его холодного воздуха, словно злобные пересмешники Северного Эссекса, ни на минуту не прекращавшие своего треска.

– Тем больше причин вспомнить о ней, я полагаю.

Он нахмурился, пробираясь через лабиринт ее слов, и медленно, осторожно поинтересовался:

– Полагаете?

Это ее лицо, словно у всех святых дев во всех соборах, в каждой богом забытой дыре в Европе, смотрело на него, такое спокойное, совсем не затронутое его дикостью, полное... совершенства. Совершенство, как он выяснил, обычно оказывалось искусной личиной, созданной, чтобы скрывать под нею нечто ужасное. Какие кошмары могут скрываться под этим фарфоровым фасадом? Может, ему следует попробовать допросить ее?

Он сухо улыбнулся.

– А вам нравится вспоминать своих мертвых, Мэгги?

Ее плечи напряглись под отглаженной шерстью лифа.

– Да.

Стенхоуп покачал головой, поднял палец и помахал в ее сторону.

– Вы лжете.

Было так соблазнительно позволить плечам опуститься и сломаться под бременем человеческой тщетности. Все лгут. Все предают. Даже мертвые. Те, кто потерян для него. Но, в конце концов, разве он самый большой предатель из всех?

Виконт пронзил ее взглядом, призывая продолжить, взывая к Богу, в которого не верил, чтобы она сдалась и ушла. Потому что он мог позволить ей увидеть его истинное лицо. Никто не должен его сейчас видеть.

Но эта непреклонная леди настойчиво продолжала гнуть свое:

– Разве вы не понимаете? Если мы говорим о мертвых, значит, они по-настоящему никогда нас не покинут, милорд.

Его губы сжались в озадаченной усмешке, полной горького веселья. На мгновение ему показалось, что он встретил интересную женщину, женщину, которая сможет его понять и не будет плодить банальности, но, как это часто случалось в последнее время, он ошибся.

– Все это полное дерьмо.

– А Джейн? – возразила она, ее голос был резким и острым, непреклонным в отношении его намерения сохранить свои тайны.

«Черт, эта ирландка совсем не знает жалости».

Джейн.

Ее имя проникло в сознание Стенхоупа, и он стоял совершенно застывший, не способный сделать вдох, пока Джейн пульсировала в его венах и проникала в сердце.

Внутри открылся колодец воспоминаний, и острая боль сдавила горло. Пульсирующие эмоции поползли вверх, прокатившись в груди с такой неожиданной и неконтролируемой силой, что он не смог их остановить.

– Выметайтесь! – зарычал он.

Маргарет побледнела и отступила, эти проклятые юбки, так захватившие его, обмотались вокруг ног.

Прекрасно. Джеймс хотел ее напугать. Она бросила ему вызов? Что ж, он ей ответит. Он выпрямился во весь рост, руки сжимались и разжимались в неожиданной ярости.

– Убирайтесь вон!

Дама вытянула ладони в попытке его унять.

– Милорд, пожалуйста, успокойтесь.

Не будет никакого спокойствия! Не сейчас. Комната вокруг него вращалась, видения в голове начали свои дикие неистовые пляски. И эта ужасная боль. Тело Джеймса горело от воспоминаний. И тогда это случилось: остатки контроля испарились и дикие эмоции охватили все его существо.

Виконт стремительно бросился вперед, тело так преисполнилось яростью, что ему казалось, кожа не сможет ее удержать. Как она смеет? Как смеет бросать мертвых ему в лицо? Как смеет заставлять его вспоминать?

– Убирайтесь!

Запнувшись, она отступила назад, ее вызывающе спокойный взгляд блеснул.

– Милорд, успокойтесь...

– Успокоиться? – издевательски произнес он, потрясенный, что способен сформулировать слова, – так его переполняла ненависть. – Я годами был спокоен. Думаю, пришло время покончить с этим. А теперь выметайтесь, или, клянусь Богом, я не отвечаю за свои действия.

Маргарет отскочила назад.

– Но...

Виконт взметнул руки к лицу. Крошечная девочка, совершенная, сказочная, светловолосая и полная доверия, встала перед его внутренним взором. Он издал глубокий стон, мечтая о возможности вырвать незваные образы своей малышки из глаз. Образы жены, такой же бледной и тонкой, посиневшей и мертвой.

Лорд Стенхоуп развернулся к кровати и схватился за железную раму. Его пальцы впились в нее, и он наслаждался *этой* болью. Она нужна была для того, чтобы справиться с *той* болью. Чтобы прогнать воспоминания. Джеймс поднял кровать и обрушил ее на пол.

Металл врезался ему в ладони, и он чувствовал капли крови под лопнувшей кожей. Именно это ему и нужно. Господи, это так приятно!

Звук кулаков, барабнящих в дверь, проник ему в мозг. Маргарет уходит. Бросает его. Его спасение уходит, а ему все равно. Стенхоуп хотел, чтобы она ушла, оставила его навсегда и никогда не возвращалась, если собирается заставить его вспоминать. Боже, ему все равно, даже если он останется здесь навсегда. Сейчас все равно. Он затерялся среди раскаленной жестокости воспоминаний, вызванных ею.

Джейн. Прекрасная Джейн. Светлая коса прыгала по спине, и детские пальчики прижимались к его щекам, когда он целовал ее на ночь. Ее чудесная, смеющаяся улыбка, когда он рассказывал ей истории или бегал по полям, играя в прятки среди кустов.

Джейн.

Его сердце разорвалось, и скорбь накрыла его безжалостной и изнурительной волной.

Большие руки, совсем не похожие на красивые бледные ладони Мэгги, схватили его и скрутили руки за спиной. Ему было плевать. Плевать, если только он сможет забыть... и ему никогда не придется вспоминать снова.

Глава 3

Маргарет прижала руки к животу и постаралась проглотить обескураживающую грусть, обходившую стороной ее обычно ледяное сердце. Виконту не будет пользы, если она слишком проникнется его болью. Нет. Ему поможет только спокойная оценка ситуации. И все же... Маргарет помедлила и оглядела коридор, прислушиваясь, не приближается ли кто-то из докторов или персонала, прежде чем заглянула в глазок большой железной двери.

Трое санитаров умиряли Пауэрза. Их большие, не сравнимые по размеру с виконтом тела окружили его, борясь с могучими руками и пытаясь удержать. Но она была почти уверена, что единственная причина, по которой им вообще удалось его схватить, – это то, что он им позволил. Даже в таком состоянии в этом человеке было что-то непробиваемое и смертельное. Словно по собственному желанию он мог извергать такую смертоносную силу, что от ее пробуждения все вокруг обращается в прах.

Как ни странно, эта сила и была той причиной, по которой Маргарет его не боялась. Подо всем этим мрачным вызовом были остатки человека, который поразительно долго контролировал каждое свое действие. Возможно, слишком долго. Маргарет должна бы бояться, но страх – это не то чувство, которое она испытывала в его присутствии. Это было что-то совершенно иное. Что-то, что колебалось внутри ее, захватывало, даже когда она смотрела в его худое яростное лицо, пока его связывали.

Она сказала Джеймсу то, что думала: он хороший человек. Она никогда не забудет его письмо к ее отцу. Так много лет прошло с тех пор. Он очень убедительно писал о своем сочувствии народу Ирландии, о желании помочь людям. И в отличие от большинства англичан он послал деньги без каких-либо дополнительных условий.

Она перед ним в неоплатном долгу, который нелегко забыть.

Когда-то этот прекрасный отчаявшийся человек обладал властью и возможностью помогать другим. Сейчас он не контролировал ничего. Как все обернулось...

Страшная потеря была ключом к его сегодняшней дикости. Возможно, он слишком долго держал себя в руках, ослабил хватку, и на свободу вырвалось так долго скрываемое существо. Ее долг – помочь ему снова взять себя в руки и вернуться в мир. Такого распада она раньше никогда не встречала. Маргарет работала со многими со времен Крымской войны². Столько прекрасной молодежи погибло в этом побоище. Покидая зеленые берега Ирландии, она и представить не могла, что станет сиделкой в этой далекой войне и найдет свое призвание, помогая солдатам восстановить их жизни. Но случилось именно так. Более того, квалификация сиделки и военный опыт изменили ее подход к лечению пациентов, пойманных в маковый капкан.

Маргарет понимала, что ими владеет не только физическая зависимость, но и травма, которая заставляет их возвращаться в забытье снова и снова.

Эти навыки снискали ей профессиональное признание в свете, к ней обращались, чтобы вернуть потерянных сыновей.

Маргарет была благодарна за то, что ей выпал этот подчас болезненный путь, так как теперь она может спасти человека, который помог ее народу. Словно судьба все эти годы вела ее за руку, чтобы она могла войти в дверь его камеры и помочь ему исцелиться.

Это будет непросто.

---

² Крымская война, или Восточная война (1853–1856) – военный конфликт между Российской империей и коалицией в составе Великобритании, Франции, Османской империи и Сардинии. Причины включали в себя упадок Османской империи и нежелание Франции и Великобритании укрепления российского влияния на османской территории. Во время войны были заложены основы современной санитарии и ухода за ранеными в госпиталях, и впервые в истории войн к уходу за ранеными были привлечены сестры милосердия.

Когда она впервые увидела лорда Стенхоупа, холодное выражение его лица показалось ей таким контролируемым и близким к возвращению в мир, что она была уверена, что сможет быстро и легко направить его.

При упоминании о жене и дочери положение моментально ухудшилось. И ее сердце сделало то, чего не делало ни для одного из пациентов: оно оплакивало его и разрушительный гнев его потери. Но слезами ничему не поможешь, и слабость сослужит дурную службу и ей, и Пауэрзу. Маргарет глубоко вдохнула и заставила себя смотреть и запоминать, что Пауэрз не обычный человек. Это было непросто забыть, учитывая его поразительное присутствие духа.

Смотрители дотащили Пауэрза до постели и повалили на нее, – раздался глухой стон. Его серебристо-светлые волосы, словно нимб, сияли вокруг ошеломленного, пронзенного болью лица. Его широкая грудь поднималась, как у готового броситься в атаку быка, он издавал стоны нечеловеческой тоски.

Наконец, санитарам удалось полностью уложить Джеймса и привязать ноги и грудь ремнями. Кожаным ремнем они привязали его голову, чтобы пациент перестал биться ею о постель и не повредил себе череп.

Это было лучшее во всем Лондоне обращение, но Мэгги и от него тошнило.

Она внимательно следила за тем, как Пауэрз начинает успокаиваться, а его тело расслабляется. Звуки неожиданно прекратились, как и его буйство, и затем один из санитаров вытащил шприц и длинный кусок резины. Он обмотал жгут вокруг руки Пауэрза, щелкнул по шприцу и ввел морфий.

Маргарет стиснула зубы. Это должно прекратиться. Он никогда не поправится под воздействием опиатов. Помимо всего прочего, это опиум довел его до безумия. Но доктора были убеждены, что Пауэрз превратился в буйного сумасшедшего с периодами просветления, и настаивали на том, что таких пациентов надо держать на лекарствах. Маргарет сомневалась в этом.

В ледяных глазах виконта Пауэрза по-прежнему оставались проблески ума и сознания. И ее задача – оживить их и заставить безумие отступить. Если она решит заняться им... что и делает.

С этим заданием она справится. Должна. Ей крайне необходимы средства для ее целей в Ирландии. И Мэгги хотела помочь виконту. Она подняла руку и положила ее на холодную дверь, словно прижимая ее к плечу Пауэрза. Она хотела хоть как-то успокоить его, даже через разделявшую их железную дверь.

Маргарет сжала руку в кулак и отодвинулась от двери. Утешение – это, конечно, хорошо, но на самом деле ему нужен контроль, и это она ему обеспечит. Маргарет вздернула подбородок и двинулась по коридору, ведущему во врачебные кабинеты.

Быстрыми, ровными шагами она миновала вторую дверь, находившуюся за первой, запертой, скрывавшей безумие. Если бы только боль Пауэрза не вылилась в разгул насилия на улицах, его бы никогда не отправили в такое строгое заведение.

Маргарет не обращала внимания на грохот цепей, маниакальный смех и стоны тех, кто все еще пребывал на этом свете, но уже не принадлежал ему. Она привыкла к звукам, отвратительным запахам бесконтрольных тел и к тусклому, мигающему освещению. По крайней мере, здесь чисто. Гораздо лучше, чем было, когда она только стала сиделкой.

Пятнадцать лет в окружении того или иного сорта безумия выработали в сиделке состояние непоколебимого спокойствия. Она всегда полагалась на него и прибегала к нему в моменты встреч с пациентами. Разве не это произошло? Что же ее так потрясло? Она никогда не встречала такого человека, как Пауэрз. Никогда.

И каким-то образом ирландка почувствовала, что ее быстро затягивает в его мир, и испытывала желание вытащить его в свой.

Оказавшись перед дверью красного дерева, ведущей в приемные покои, Маргарет пригладила ладонями волосы, убедилась, что все в полном порядке и встреча с виконтом не наложила на нее никакого видимого отпечатка. Она резко повернула ручку и вошла через открытую дверь.

Граф Карлайл стоял перед потрескивающим камином.

Как и его сын, он был потрясающе привлекательным мужчиной. Только заботы и возраст наложили на него соответствующий отпечаток. Он повернулся к сиделке, как только она вошла в уютную и довольно нарядную комнату, предназначенную для успокоения совести семей, помещающих сюда своих близких. Черный сюртук превосходной шерсти свободно болтался на высокой фигуре графа – явный признак того, что в последнее время он похудел. Его впалые щеки покрылись едва ухоженной серебряной бородой, а глаза, обычно голубые, как у сына, сейчас были темными от страха.

– Мой сын? Вы видели его?

Маргарет закрыла за собой дверь, оттягивая момент. Она изучала кружево, покрывавшее небольшой столик у камина. Помощь членам семьи в понимании разрушительных действий их близких никогда не была легкой или приятной задачей. Маргарет встретила глазами с его полным надежды взглядом.

– Видела, милорд.

– И вы поможете ему? – Сомнение сделало голос старика совсем тонким. Его руки слегка тряслись, то ли от напряжения, то ли от болезней, Маргарет не знала. – Никто больше не поможет.

«Никто больше не поможет».

Разумеется, поэтому он к ней и обратился. Ей было грустно от того, что часто слишком много времени требовалось сильным мира сего, чтобы обратиться за помощью к женщине, какой бы квалифицированной она ни была.

Спокойно сложив руки перед собой, она утешительно кивнула:

– Да, я помогу, милорд.

Нарушив все приличия, граф бросился через комнату и сжал ладони Мэгги в своих. Он быстро поднес их к губам и поцеловал так, словно кающийся целует пыльные останки священной реликвии. Его усы резко касались ее кожи, пока он бормотал:

– Спасибо вам, дорогая, спасибо.

Маргарет уставилась на склоненную седую голову старика и на мгновение задумалась о своем отце. О лорде, лишенном реальной власти и средств, лорде, который подвел своих людей. Он был так раздавлен отчаянием.

Комната начала сжиматься, надвигаясь на нее, высасывая воздух из легких. В отличие от графа их отец был в отчаянии не из-за одного человека, а из-за миллионов, которых видел в общих могилах на пышных зеленых склонах или отосланных, словно скот, на переполненных грязных кораблях.

Земля Господа. Ее земля. Такая прекрасная, что захватывает дух... Но красота служит только болезненным фоном для тел, которые едва кажутся человеческими, когда их все вместе закапывают в землю. На короткое мгновение запах щелочи обжег ноздри Маргарет, и она выдернула руки, пока темные годы ее юности не всплыли в больших подробностях.

– Это непростая задача, милорд. Он в плохом состоянии, но это возможно.

Он кивнул, решительно соглашаясь.

– Ведь он не сумасшедший? Только пристрастился к выпивке и опиуму?

Она помедлила, стараясь быть честной.

– Я не думаю, что он безумен, но им управляет боль, и нам придется разобраться с этим.

Граф нахмурился, а затем выдал слабую нервную улыбку.

– Будьте уверены, леди Маргарет, у него получится. Он сильной породы.

Порода. По ее опыту, это мало что значило, хотя англичане были так уверены в ее важности.

Она кашлянула.

– Для начала мы должны сократить, а со временем прекратить полностью употребление им дьявольского зелья.

Кустистые брови графа сошлись на переносице.

– Дьявольского зелья? – переспросил он.

– Мак. Маковый сок. Конек. Белая пыль. Порошок от моли. Китайский цветок. – Так много имен для одной смертельной субстанции. – Опиаты.

– Понятно. – Граф глядел недоверчиво, пальцы тербели цепочку на сюртуке. – Какие у вас познания.

Маргарет пожала плечами и мягко сказала:

– Мне необходимо знать об этом. А у вашего сына зависимость. Как и у многих. В любом случае, будет непросто освободить его от нее, и потом мы посмотрим, справится ли он со своей душевной болью без наркотика. Боль очень могущественная сила.

– Да. – Граф вздрогнул. – Доктора все пришли к заключению, что он причинит себе... вред.

– Поэтому я здесь, – уверила она, – чтобы убедиться, что он не опасен для себя самого.

Плечи графа поникли, и он отвернулся.

– Господи, я не должен был привозить сына сюда. Он наверняка меня ненавидит. Но я хотел, чтобы он понял, в каком ужасном состоянии он находится. Сам он, кажется, этого не видит.

Маргарет шагнула вперед, желая объяснить графу, что он вовсе не ошибся.

– Милорд, вы поступили правильно. Если бы вы не вмешались, лорд Стенхоуп скорее всего был бы мертв. Я видела отчеты. Его злоупотребление опиатами достигло такой степени, что легко могло бы его убить. А также тот факт, что он, одурманенный, бродит по самым опасным местам в городе, мог привести к смерти.

Граф поднял ладонь и прижал к глазам.

– Если бы только я узнал о вас раньше. Я мог бы отвезти его за город. Держал бы его там...

– Если б желания были лошадьми, нищие бы скакали. – Маргарет слегка улыбнулась. – Через несколько месяцев упорной работы, когда ваш сын будет готов, все эти неуместные вопросы о его здоровье больше не будут иметь значения.

Граф стремительно обернулся, его лицо напряглось.

– Вы должны понять, как это важно. Он мой единственный сын. Мой наследник. Если он не сможет о себе заботиться, наш род исчезнет...

И это единственное, что его волнует? Необходимость передать груды камней и старый, как сама Англия, титул? Возможно, он просто сам себя уговаривает, но Маргарет видела также и искренние эмоции. Поведение и холодность англичан всегда были для нее загадкой. И всегда будут.

– Все нормализуется, милорд. Я не верю, что ваш сын желает умереть или что он поставил на себе крест. Вы должны мне довериться.

Граф неловко зашевелился и вытянул серебряный портсигар из кармана. Трясущимися руками он освободил тонкую палочку и постучал ею по крышке портсигара.

– Есть кое-что еще, о чем я хочу вас попросить.

– Я к вашим услугам. – Маргарет гордилась своей работой – помогать людям, даже если иногда это просто юные лорды, сбившиеся с пути. Ей потребовались годы и помощь многих изуверченных войной несчастных господ для достижения возможности устанавли-

вать размер оплаты, достаточной, чтобы содержать себя и поддерживать свою главную миссию – посылать приличные суммы денег в Сиротский приют Святой Екатерины в Голуэй³.

Решимость, казалось, заострила лицо и распрямила плечи графа.

– Я хочу, чтобы вы вышли замуж за моего сына.

Ирландка поперхнулась, не веря словам, только что сорвавшимся с губ вельможи.

– Милорд?

– Я хочу, чтобы вы всегда были рядом с ним, – медленно и твердо произнес он. – Вы защитите его.

– Абсолютно исключено.

– Почему же? – спросил он требовательно. – Вы леди аристократического происхождения. Ему нужна жена и наследник, а также, разумеется, муж такого положения даст вам больше свободы для достижения вашей цели.

Маргарет попыталась придумать хоть какую-нибудь причину, но предложение было настолько шокирующим, что она понятия не имела, как возразить.

– Я... Я...

– Я все продумал. Ни одна обычная юная леди не справится с моим сыном. – Граф помедлил, на лице появилась тень. – Время это подтвердило. Но судя по всем данным и по моей оценке вашего характера, вы сможете. Джеймс не запугал вас, как всех остальных, кого я посылал осмотреть его.

Граф зажег свою сигару и поднес ее к губам, он казался таким удивительно спокойным, учитывая его поведение всего несколько минут назад. Словно он оказался в привычной для него ситуации.

– Я не жду, что вы согласитесь выйти за моего сына без соответствующего поощрения. Поэтому в дополнение к положению и власти виконтессы я переведу средства и землю исключительно на ваше имя. – Он помахал рукой, но в движении сквозила твердость. – Здесь или в Ирландии. Я позабочусь, чтобы после смерти моего сына вы получили собственные средства. Вы ни от кого не будете зависеть, даже в браке. Вы сможете продолжить помогать солдатам. У меня нет возражений против такой благородной цели, и, разумеется, домой, в поместье брата, вы по-прежнему сможете посылать деньги. Насколько я понимаю, юный лорд разорен, не способен заботиться о своих людях и возвращается в сомнительных политических кругах. Я мог бы предложить ему поддержку и более сильный голос здесь, в палате лордов. Моим единственным условием являются поддержание моего сына в состоянии, позволяющем ему удерживать титул, и произведение на свет наследника.

«Произведение наследника».

Эта мысль рикошетом билась в голове. Маргарет совсем не знает Пауэрза. Возможность делить с ним постель должна ужасать ее.

Но она не ужасала.

Что более важно, Мэгги вдруг осознала, что граф все это тщательно обдумал и рассматривал ее кандидатуру в качестве не только сиделки, но и тюремщика и племенной кобылы по совместительству.

– Я католичка, – запротестовала она в поисках причины, которая может разубедить старика. Она не была на мессе много лет, но англичане обычно ясно выражали свое мнение по поводу веры, в которой она родилась.

Граф сощурился и запыхтел сигарой.

– Это можно обойти.

Она уставилась на него не моргая.

– Вы желаете нанять меня в качестве пожизненного зрителя вашего сына?

---

³ Голуэй – город на западе Ирландии.

– Именно. Да. Это должно быть устроено. Его нельзя оставлять без присмотра.

Маргарет подняла руку и прижала к животу, поражаясь, какого дьявола все зашло так далеко. Ни за что на свете она не могла предположить, что эта история может принять такой нелепый оборот.

– Вы очень прямолинейны.

– У меня нет другого выхода. Я не смогу вечно защищать сына. И мне нужен наследник. Это должно быть абсолютно ясно. – Он покатал сигару между пальцами, волнение делало его движения резкими.

Положение было совершенно ясным: граф старел и беспокоился о судьбе своего единственного ребенка и титула. И хотя Мэгги сочувствовала ему, она не собирается жертвовать собой ради его родословной. Даже из-за казавшегося таким заманчивым предложением.

– Я не стану этого делать.

– Почему нет? – нахмурился старик. – Это гораздо лучше, чем любое предложение, на которое может рассчитывать женщина.

Все сочувствие, которое она к нему испытывала, испарилось. Такой же, как все англичане. Ей не следовало ожидать ничего, кроме подобных расчетов и желания удовлетворить собственные запросы.

– Меня нельзя купить.

– Но, – поддел он, – вас всю жизнь будут покупать другие, пока вы не состаритесь и не останетесь в одиночестве. – Граф ткнул в нее пальцем. – Я предлагаю вам стабильность.

Сиделку не задевали оскорбления, и если бы не человек, брошенный в камеру этого заведения, она бы развернулась и оставила графа в подвешенном состоянии. Маргарет ценила свои навыки и независимость слишком дорого, чтобы продаваться.

– Ваше предложение не обсуждается.

Чувство превосходства, появившееся в графе в эти последние минуты, снова треснуло, обнажая отчаявшегося человека. Человека, которому граф, несомненно, не позволял выйти на свет и которого уж тем более не желал демонстрировать в присутствии женщины.

– Прошу вас.

– Я помогу вашему сыну, милорд, но жертвовать собой не стану.

Вся бравада и английская чопорность испарились, вновь оставляя человека, потерявшего контроль над рассудком своего сына; и, как следствие, наследие, ради которого граф трудился всю жизнь, чтобы передать Джеймсу, должно исчезнуть. Карлайл медленно кивнул, и Маргарет не могла не чувствовать себя так, словно вонзила кинжал старику меж ребер. И все же она не могла заставить себя сделать это. Кто знает, какой окажется жизнь с незнакомцем? Несчастной, полагала она. Мэгги не могла поверить, как он вообще о таком подумал.

– Не волнуйтесь. Я наставлю его на путь истинный, – мягко сказала она.

Граф тяжело вздохнул и отвернулся. В свете камина Маргарет могла поклясться, что видела след стекающей по его щеке слезы. Она бы хотела помочь ему, но будет вполне достаточно, если она сделает все возможное, дабы вернуть виконта Пауэрза в нормальное состояние. Скоро и его отец это поймет.

Мэтью Кассиди бродил снаружи хлипкого лестничного колодца, ведущего наверх, в сомнительное жилище его сестры. Чтобы успокоить истрепанные нервы, он глубоко затянулся сигаретой. Ее кончик горел дьявольским красным огоньком в туманной лондонской ночи. Мэтью было ненавистно, до чего он дошел. А теперь он ненавидел еще и Лондон. Как бы он хотел вновь очутиться на торфяных просторах Голуэя, возвышающегося над заливом. Но он не мог вернуться. Не теперь. И никогда. По многим причинам. Причинам чертовски пугающим, чтобы о них думать.

И вместо того чтобы думать, он курил. Снова и снова, пока между трясущимися пальцами не осталось ничего, кроме окурка. Он спрятался поглубже в тень, отчаянно не желая быть замеченным.

Стремительное движение пробежавшей по сапогу крысы заставило его прыгнуть в грязную лужу застоявшейся жидкости. Скорее всего, из сточной ямы, переполненной сверх всякой меры.

– Дерьмо собачье! – зашипел он, трясая сапогом, чтобы избавиться от нечистот.

Мэтью трясло от ужаса этого места и осознания собственного положения. Он, конечно, насмотрелся на ад в Ирландии, но это место было чем-то иным. Это был ад, где роилось больше людей, чем в любом другом месте на свете, где можно купить ребенка для забавы, джин, разбавленный кислотой, или достаточно опиума, чтобы выкурить мозг. Это гоморра, и он оказался здесь, пытаясь избежать так называемого британского правосудия и уничтожить ублюдков, которые так обошлись с его народом... ублюдков, которые, по видимому, не испытывали никаких угрызений совести, гноя собственный народ на свалке полужизни.

Святые угодники, если британцы могут так поступать со своими людьми, не удивительно, что они систематически морят голодом Ирландию. Потерев руки о шерстяные рукава, Мэтью сгорбился, стараясь держаться подальше от отходов.

– Что, во имя Святой Девы, ты здесь делаешь, Мэтью Винсент?

Кончик ножа, пронзающий его толстую морскую куртку, заставил замереть, чтобы сестра не проделала в нем новую дырку. Пока он стоял неподвижно, сигарета, догоревшая до основания, ужалила его пальцы.

– Черт подери, Маргарет, – зашипел он.

Она уколола ножом немного сильнее, достаточно чтобы предупредить его, но не порвать куртку.

– Отвечай на вопрос.

– И так ты встречаешь своего младшего брата? – Он просительно поднял руки. – Что бы сказала мамочка?

Нож исчез, и голос Маргарет, бормотавшей себе под нос, смешался с разглагольствованиями пьянчуг, вывалившихся из кабака дальше по улице. Она треснула его по макушке, смахнув кепку ему на нос.

– Сказала бы, что ты должен провести месяц на коленях перед Святой Девой, перебирая четки.

Мэтью медленно повернулся. Вид его сестры заставил сердце остановиться. Она выглядела совсем как мама, когда ему было около пяти лет. До того, как она начала уходить в себя и молиться на коленях по десять раз за день, умоляя Господа и всех ангелов положить конец голоду, опустошающему страну, пока отец тщетно пытался спасти детишек с вспухшими животами.

– Славно выглядишь, малышка.

Мэгги подняла бровь и скептически окинула его взглядом.

– Не могу сказать того же о тебе, Мэтью.

Он натянуто ухмыльнулся и слегка смахнул пыль с лацканов.

– Мне станет намного лучше за чашечкой чая.

Она нахмурилась.

– Ах, Маргарет, ты что же, не пригласишь меня наверх? – подлизывался Мэтью, стараясь скрыть страх в собственном голосе. Он не был готов рассказать ей, что натворил и в каком положении очутился.

Но ему надо убраться с улицы: ищейки скоро начнут его поиски. Листовки с его изображением появятся этим утром, по крайней мере, так ему сказали. Очень неприятно быть

разыскиваемым у себя дома и по всей империи. Но Лондон со своими закоулками и плотно населенными кварталами был лучшим местом для человека, желающего спрятаться.

– Я впусти тебя, Мэтью, но никаких твоих... твоих делишек в моем доме.

Брат уставился на нее самым невинным взглядом и похлопал ресницами.

– Конечно, и разве я не знаю, как ты относишься к парням.

Мэгги ничего не сказала, повернулась и стала подниматься по скрипучим ступенькам. Длинные пряди рыжих волос выбились из пучка и болтались по спине – явный признак того, что она нервничала и была расстроена каким-то ночным происшествием. Мэтью с благодарностью быстро последовал за ней.

Маргарет святая, это неоспоримо, но ей не хватало кровожадности. Если повезет, ему удастся привить ей немного. С такой женщиной, как она, это будет победа! Если она возьмется за дело, ничто не сможет ее остановить.

Глава 4

Маргарет взбиралась по узким ступенькам, зажав длинные юбки в совершенно окочевших пальцах. Лестница прогнила насквозь, и кривые гвозди наполовину торчали наружу, словно дьявольские маргаритки, ожидающие, что их сорвут. В черном тумане промозглой лондонской ночи Мэгги двигалась очень осторожно. Она вовсе не хотела пропустить ступеньку, свалиться в прогнивший колодец и умереть, сломав шею о края этой трущобы.

Если быть с собой до конца откровенной, это сердце заставляло ее подниматься тяжело и медленно, как старушка. Мэтью. Мэтью покинул Ирландию, страну, которую любил всеми фибрами души, и приехал в Лондон. Для этого могла быть только одна причина: за его голову была назначена цена.

Крепко сжав губы, чтобы не накинуться на Мэтью, за то что навлек на себя такую угрозу, Маргарет потянулась к ридикюлю и достала маленький железный ключ. Пока она неловко нащупала замок и открывала дверь, ее дыхание превращалось в маленькие облачка белого пара. Лишенная лунного света или хоть какого-то газового освещения в этой части города, Маргарет онемевшими пальцами нашла задвижку, протолкнула ключ и наконец отперла замок. Дверь сердито заскрипела, жалуясь на отсутствие масла в проржавевших петлях и слишком долгий век службы.

Комната была маленькой, неудобной и квадратной, с крошечным угольным камином, тлевшим в углу, на небольшом столике стоял дагерротип матери, отца и Мэтью в младенчестве. Рядом лежали две книги: Виктора Гюго и нового писателя Маркса, много лет прожившего в Сохо.

Маргарет подошла к столу, взяла небольшой коробок, лежавший рядом с единственной свечой, и чиркнула спичкой. По комнате поплыл сильный запах серы. Фитиль загорелся, и Мэгги бросила ридикюль и коробок на выщербленный стол.

– Ты не разожжешь огонь?

Мэтью без разговоров подошел и, подобрав несколько кусков угля потрескавшимися пальцами, бросил их в камин, мгновенно разведя пламя в черном железном жерле. Захлопнув железную дверцу, он сразу сунул руки в карманы и повернулся красивым нахальным лицом к сестре. Если и было на этом свете озорство, оно отражалось в прекрасных чертах Мэтью.

Как она любила эти черты. С тех самых пор, как ему было два и он бегал спотыкаясь по дому с ободранными коленями и перемазанными вареньем щеками. И не важно, что ему уже семнадцать и он почти мужчина.

Рыже-коричневые волосы спадали на острые брови и запавшие от голода щеки, но в глазах, зеленых как трава Ирландии, горела искра, способная зажечь самого дьявола. Маргарет слишком хорошо знала, что под этим мальчишеским очарованием бурлит жестокость убийцы и мальчика, которому пришлось стать взрослым, испытав горький вкус смерти. Мальчика, одичавшего от жажды правосудия и мести.

Ей нужно выставить его. Сейчас же. Без промедления. Собственный здравый смысл твердил, что она глупо поступила, впустив его. Мэтью общался с опасными людьми, и, позволив ему остаться, она не препятствовала их возможному присутствию и, что страшнее, их разговорам. Но она не могла выгнать брата. Не ее Мэтью. Младшего брата, который чаще сидел на коленях у нее, чем на коленях матери. Их мать отдала себя Господу, никогда не отвечавшему на ее молитвы. Молитвы, которых было больше, чем песчинок на берегу. И ее Богу не было дела до жертв, на которые она пошла, чтобы спасти своих соплеменников.

Даже сейчас, если прислушаться, до нее доносился шепот «Аве Мария» и перестук бусин, которые Бриджид Кассиди перебирала молочными пальцами, пока кожа ее не

истерлась и не обнажила сырую плоть. Маргарет потрясла головой, чтобы отогнать воспоминания. Она намеревалась выяснить, что заставило ее брата прибыть в страну, которую он так ненавидел.

Маргарет порылась в карманах юбок и вытащила небольшой тканевый сверток. Это единственное, что она могла позволить себе приобрести на свои скудные доходы.

– Ты голоден, Мэтью?

Он потер у камина запачканные углем руки, отблески огня осветили лицо.

– Я б корову съел.

Мэгги проронила смешок. Мэтью, несмотря на все страдания, мог своей очаровательной улыбкой и вкрадчивым голосом заставить улыбнуться даже самую плаксивую женщину.

– Придется довольствоваться хлебом и сыром, приятель. Но на десерт у меня есть яблоко.

Брат снова задорно улыбнулся.

– Ну, это целый пир. – Его рука скользнула в потрепанную куртку. – И может, немного божественного нектара?

Маргарет покачала головой, присоединиться к нему было бы соблазнительно, но она знала об опасности. – Я больше не пью, Мэтью.

Мистер Кассиди вытащил из куртки зеленую бутылку и держал ее в руках, как ребенок игрушку.

– Но ведь ты не заставишь своего бедного брата страдать, правда?

– Делай, как знаешь. – Она положила сверток на стол, отодвинув немного свои бесценные книги. Иногда ей хотелось позволить себе больше книг, но эти деньги отправлялись тем, кто нуждался в них гораздо больше ее. – Только не слишком много.

Хлопок вырвавшейся на свободу пробки прокатился по крошечной комнате.

– У меня нет желания заливать мои беды, милая.

Маргарет закатила глаза, думая о толпах на улицах, покупающих этой ночью бутылки с дешевым джином, который выжжет их внутренности быстрее, чем доберется до мозгов. Она сама слишком часто так поступала, не способная вынести окружающие ее страдания.

– Тогда ты в меньшинстве.

Мэтью с отвращением выдохнул.

– Конечно, но в этом вонючем городишке кто бы не захотел пропить все мозги?

Было бы так просто вступить в их детскую перепалку. Даже когда люди вокруг падали, как срезанные ржаные колосья, они шутили и смеялись. Что еще им оставалось делать? Но сейчас надо взглянуть в лицо реальности. Не важно, как дорог брат ее сердцу, он больше не маленький мальчик. Никакие шутки не изменят того, во что он превратился. Больше оттягивать не стоит. Горло мгновенно сжалось от страха за него.

– Зачем ты здесь? – потребовала ответа Маргарет.

Улыбка Мэтью застыла, бледное лицо посерело.

– Дай сначала поесть, а?

Маргарет вытащила из свертка буханку темного хлеба, испеченного женщиной, жившей по-соседству, и разломала пополам. Острый запах наполнил воздух, и крошки плотного темного хлеба осели на ее ладонях. Она бросила ломоть ему, затем поискала маленький, слегка позеленевший по краям сыр на дне свертка. Нашупав его губчатую поверхность, Мэгги выудила его наружу. Взгляд опустился на тонкую фигуру Мэтью, его пугающую худобу. Может быть, стоило отправить ему несколько бесценных монет, ведь поместье было совсем разорено. Но он был себе на уме, и у Маргарет имелись веские основания полагать, что он скорее станет голодать и использует деньги на свои политические склонности, которые она не желала поддерживать. Все же он такой худой. Проглотив ком печали, она бросила кусок сыра брату.

– Меня покормили в приюте, приятель.

Мэтью поймал сыр, его улыбка полностью испарилась, сменившись загнанным взглядом, который, казалось, поселился на лице каждого ирландца.

– Знаешь, что отец Рафферти говорит о лжецах?

Она цыкнула.

– Отец Рафферти может болтать что ему вздумается.

Его горло задвигалось, и он уставился на сыр.

– Спасибо, милая.

И Мэтью яростно вцепился в крошечный кусок. Его пальцы двигались скорее как голодные лапы животного, чем руки человека, тем более лорда.

На глазах выступили слезы. Маргарет слишком часто такое видела. Все свое детство, и здесь, в Лондоне, где в некоторых кварталах крысы были частью обычного рациона. И все равно ее сердце разрывалось от того, что Мэтью вел себя, как дикие массы, наводнявшие улицы.

Как это случилось? Когда Мэтью потерял все свое воспитание? Когда отец истратил бóльшую часть своих средств на корабли, чтобы помочь крестьянам уехать? Или когда совершал многочисленные поездки в Палату лордов, чтобы умолять людей, которым не было дела до того, что умирают миллионы.

Маргарет подошла к кровати и опустилась на шаткую раму, корсет слегка скрипнул. Она взглянула на свою половину хлеба и отложила ее, сердце защемило от грусти и неожиданного приступа злобы на то, как жестоко устроена жизнь.

Взгляд Мэтью полыхнул в сторону зернистого хлеба, настороженный зверь думал о добавке. Взвешивал, может ли он ее съесть, или она принадлежит другому члену стаи.

– Ты не будешь его есть?

Она прикусила нижнюю губу, подавляя плач от того, что дошло до такого. Маргарет должна узнать, что он натворил в Ирландии, но не может отказать ему в пище. Не когда он похож на голодную собаку.

– Нет, Мэтью. Я сыта.

Проглотив последний кусок своего хлеба с сыром, он потянулся за ее долей. Сделав глубокий вдох, он повертел кусок в ладонях, и его лицо застыло в маске печали. Маргарет пришла в отчаяние, увидев, как перекосилось лицо брата. На ресницах показались слезы и потекли по его щекам.

– О господи, Сорока⁴.

Это детское прозвище чуть не убило Мэгги. Она едва могла удержаться, чтобы не броситься на пол и крепко прижать Мэтью к себе. Но она осталась на кровати. Неподвижно. Не желая сломаться. Она будет сильной ради него и не станет плакать. Она никогда больше не заплачет и не застонет. Судьба ее матери показала ей всю тщетность подобного безумия.

– Что случилось? – прошептала она.

Он все вертел и вертел кусок хлеба в руках, пока тот не стал разваливаться.

– Я... Я...

– Выкладывай, Мэтью, – резко сказала Маргарет. Она давно поняла, что мягкостью и нежными словами ничего в этом мире не добьешься, они только усиливают страдания. Нет. Лучше глядеть жестокости жизни в лицо.

Он кивнул и вытер глаза тыльной стороной руки.

– Я убил человека.

Маргарет не произнесла ни слова, даже не удивилась. Она видела его бушующую ярость. И все же ее сердце провалилось в пол, все нутро стало каменным.

---

⁴ От английского Magpie, что значит «сорока». Игра слов, основанная на имени героини.

– Помнишь Бойлов?

Мэгги тихо выдохнула, соглашаясь. На большее она не осмелилась. Ей вспомнился только старый Денни Бойл. Он пережил голод только для того, чтобы увидеть, как двоих его сыновей, десяти и двенадцати лет, отправили в Австралию за воровство зерна. После этого он с трудом справлялся с работой в поле и не мог прокормить оставшихся шестерых детей.

– Новый лорд в Хаксли-Холл... – Мэтью несколько раз сглотнул, словно хлеб застрял у него в горле. – Когда он прибыл, то решил все распродать. Рента не соотносилась с ценой скота.

Маргарет подавила гнев, зная, что он ничему не поможет.

– И?

Мэтью поднял лицо, дорожки от слез поблескивали в слабом мигающем свете.

– Он отправил армию, чтобы выселить их.

Ничего, о чем она бы не знала раньше. Но ярость внутри все нарастала. Ярость, от которой нет никакой пользы, но она никуда не делась.

– Самая младшая, Нэнси, была больна чахоткой. Бедняжке оставались считанные дни... Она едва могла дышать от кашля. И я поехал предложить помощь. Она была такая славная. И...

Маргарет закрыла глаза.

– Кого ты убил?

– Лейтенанта. Он сшиб Нэнси, когда она не смогла идти достаточно быстро. Назвал ее ленивой тупой коровой. Они сожгли коттедж. – На лице Мэтью отразились горестные воспоминания. – И тогда злоба... Она просто закипела во мне. Я схватил камень, оставшийся от стены, и проломил ему голову.

– Ох, Мэтью, – проронила Маргарет. Одним ударом ее брат разрушил собственную жизнь... Хотя он уже стоял на опасном пути.

Руки Мэтью сжались в кулаки.

– Ты не можешь считать, что я поступил неправильно, помогая Нэнси. Борюсь за справедливость.

Ей хотелось кричать. Все тело трясло от гнева и беспомощности.

– Это им поможет? – Маргарет заставила себя говорить спокойно. – Убийство английских солдат? Знаешь, что случилось после девяносто восьмьлого?⁵

Мэтью сощурился.

– Они были правы!

– Они все погибли! – Слова вырывались изнутри. Маргарет еще не родилась во время последнего большого восстания. Но оно было кошмаром и слишком плохо для ее народа. – Их всех убили, Мэтью. И высокопоставленных лордов, и простых людей.

– И что ты хочешь, чтобы я делал? Стоял и смотрел, пока...

Она сорвалась с кровати и схватила его за плечи, заставляя смотреть ей в глаза.

– Я хочу, чтобы ты остался жив, Мэтью. Я хочу, чтобы ты был жив.

– Тогда ты должна помочь мне, дорогая сестрица. – Он положил истрепанный кусок хлеба на пол. В глазах по-прежнему стояли слезы. Слезы того, кто лишился всяких иллюзий. Ребенка, увидевшего, как на самом деле устроен мир.

Маргарет вздохнула и отпустила его плечи.

После этого Мэтью потянулся к бутылке и выпил.

– Я не могу вернуться в Ирландию. Не теперь. Сейчас это слишком опасно.

Она уперла руки в бока, потрясенная его логикой.

---

⁵ Ирландский бунт 1798 года – восстание против английского правления в Ирландии, повлекшее за собой тысячи смертей в течение нескольких месяцев.

– И поэтому ты приехал в Лондон?

Мэтью сделал еще глоток виски и вытер ладонью рот.

– Прятаться лучше на виду, так что да, в Лондон.

– Может, и так, Мэтью, но чем же я могу помочь?

– Мне нужно укрытие, защита. – Он заткнул бутылку и робко посмотрел на потертую этикетку. – Деньги. Мне нужны деньги.

Маргарет на мгновение прикрыла глаза, мечтая вернуться в беззаботные дни своего детства. Когда мир был прекрасен, когда поля, усыпанные камнями, простирались до самого моря и люди все еще улыбались, несмотря на небольшие трудности жизни. В те дни, когда лицо отца не потемнело от забот и неудач.

– Что бы сказал па?

Мэтью сунул бутылку обратно в куртку и взглянул на горящий камин.

– Па был слабым человеком.

– Он был хорошим человеком, – поправила Маргарет. Мэтью никогда не видел его сильным. Он видел только, как отец сломался и страдал. Потому что, даже будучи лордом, не мог справиться с голодом и убежденностью англичан в том, что ирландцы не могут прокормиться, поскольку ленивы. Никак. Ни на толику. И он таял, глядя, как все его попытки остановить смерть в своей стране обращаются в прах.

В памяти неожиданно возникло лицо графа Карлайла. Он предлагал ей власть. И деньги. Больше денег, чем Маргарет могла надеяться когда-либо иметь, всю жизнь положив на спасение Пауэрза и дюжин таких же, как он.

Старик даже упомянул о ее брате. Может, он знал? Вероятно, до него дошли слухи о том, что Мэтью в беде, и он хотел помочь? Если это так, то как Мэгги может ему отказать? Не может. Это было бы глупо.

Это была предательская, дьявольская мысль. С деньгами и поддержкой графа сила будет за ней. Об этом даже подумать страшно, но разве мир не ужасен? И разве Маргарет не старалась принять его и выжить?

– Сорока?

– Я думаю, Мэтью. – О, она крепко думала. Мэгги намеревалась продать свою душу.

Очень внимательно она оглядела лицо Мэтью. Он мог бы стать совсем другим человеком, если бы о нем позаботились влиятельные люди.

Маргарет по привычке остановилась. Она давно утратила веру в Отца, Сына и Святого Духа, но что-то внутри заставляло ее желать, чтобы Бог не оставил ее народ так бездушно и жестоко. Может, если бы не это, ее брат по-прежнему оставался бы прекрасным мальчиком, которого ожидает светлое будущее, а не петля виселицы.

– Я помогу тебе, Мэтью. Спаси меня бог, но помогу.

Глава 5

Железная дверь распахнулась. Маргарет собралась с духом и, перешагнув порог, вступила в холодный утренний свет, лившийся через зарешеченное оконце под потолком.

– Милорд?

– А, наконец-то. – Его голос прорезал пространство небольшого помещения. Его большое тело было все еще привязано к кровати, длинные серебристо-белые волосы разметались по подушке и словно завораживающие сосульки свесились с постели, когда он попытался повернуть голову. – Дьявольская женщина.

Хотя Мэгги вовсе не было весело и он не мог ее видеть, она постаралась выдавить улыбку.

– Да. Это я.

Джеймс опустил голову и уставился вверх, и хотя его удерживал кожаный ремень, его тигриное тело не желало подчиняться.

– Чем я обязан этому выдающемуся визиту? – Он сощурился, слегка сжав притягательный рот. – Пришли исцелить меня? Или вы снова хотите назвать меня по имени?

Маргарет не ответила на вызов. С таким человеком можно спорить бесконечно. Исходя из ее печального опыта, чем умнее человек, тем сложнее его вылечить: он может опровергнуть любой аргумент и выиграть любой спор... но в конце концов окажется в проигрыше. Проиграв сначала свое измученное сердце, потом душу и, наконец, свое сломленное тело, Мэгги не желала этого Джеймсу.

Но сейчас она здесь не поэтому. Маргарет больше не ангел.

Несмотря на это, у нее руки чесались освободить его. Но сначала надо поговорить, пока ее не покинула решимость. А для этого виконту лучше оставаться связанным. Даже самый лучший из людей может не самым спокойным образом отреагировать на ее заявление.

– Прошу прощения, но мне нужно обсудить с вами одно важное дело.

– К сожалению, я сегодня занят, – протянул он. – Приходите завтра, может, у меня найдется свободная минута.

На этот раз крохотному всплеску веселья удалось пробиться к Маргарет. Несмотря на все странности Стенхоупа, она чувствовала необъяснимое родство с его стремлением не быть загнанным в угол.

– Мне очень жаль это слышать, но я вынуждена настоять.

Он издал долгий вздох страдания.

– Кто я такой, чтобы разочаровывать леди?

Как возможно, что человек, привязанный к кровати в сумасшедшем доме, может быть таким... таким потрясающим, и не в медицинском смысле? От виконта исходила вызывающая и захватывающая сила.

– Я так и думала, что вы галантны.

На это Стенхоуп фыркнул – громкий саркастический звук.

– Сделаете ли вы, по крайней мере, мне честь, расстегнув ремень на моей голове? Я уже многие часы пялюсь на этот потолок. Вид не самый вдохновляющий.

– Разумеется. – Маргарет быстро подошла к кровати и склонилась над виконтом. Взглянув на его лицо, она застыла с поднятыми в воздухе руками. Его глаза, удивительно голубые, как самые острые бриллианты, смотрели на нее изучающе, со странной смесью ярости и... спокойствия.

Учитывая, что лорд Стенхоуп был напичкан морфием, ясность была потрясающей. Не было и тени трагедии, обычно скрывающейся в глазах ее пациентов. Совсем нет. Его взгляд пронзал Мэгги до глубины души.

Но как долго это продлится? При таком медицинском воздействии как долго продержится его дерзкое сопротивление? Маргарет думала, что недолго. А потом? Потом он начнет ломаться, и этот роскошный благородный зверь завоет и начнет кидаться на прутья клетки. Однажды она видела тигра в лондонском зоопарке. Животное из Бенгалии. С дикими желтыми глазами и зубами, словно кинжалы. Он метался и издавал звуки, от которых душа переворачивалась. Мускулистое тело билось в клетке, но было мгновение, одно мгновение, когда Мэгги могла поклясться, что он посмотрел ей прямо в глаза. Души соединились. Глаза просили, умоляли освободить его из этого адского заточения. Требовали лучше смерти, чем такого бесчестия. У нее по щекам потекли слезы, но она не могла отвернуться. Она видела, как его взгляд наполняется безумием. Видела, как он кидается на железные прутья, как тело от ярости скручивается в невообразимые узлы.

Вот что случится с Пауэрзом, если она не вытащит его отсюда. И по какой-то необъяснимой причине Мэгги казалось, что это будет непростительным грехом.

– Мадам, вы что, оглохли?

Она резко выдохнула, поняв, что задерживала дыхание все это время и совершенно потерялась в собственных мыслях. Это ей не понравилось. Совсем. Много лет назад Маргарет заковала свое сердце и душу в броню и никого не пустит внутрь, тем более полубезумного лорда, потонувшего в опиуме и джине. Но учитывая его нынешнюю ясность сознания, очень скоро он станет буйным. Так что говорить нужно быстро.

– Ну и где вчерашняя бесстрашная девчонка? Можете подойти ближе, знаете ли. – Виконт сощурился. – Я вас не укушу, если вы этого боитесь.

Маргарет покачала головой и опустила пальцы на ремень у него на лбу. Пока она расстегивала ремни, ее пальцы запутались в его густых волосах. Они скользили по рукам, словно расплавленное серебро, и она поняла, что это ее смущает. Заставляет хотеть большего. Ее охватило странное желание погрузить ладони в эти пряди и зарыться в них пальцами. Может, его безумие заразно. У нее загорелись щеки, и внутри расцвело странное, согревающее грудь чувство. Но он ее пациент, что делает действия Мэгги весьма опасными.

И все же его отец очень ясно дал понять, что она должна стать его женой. Это ставило ее в очень трудное и захватывающее положение.

Расстегнутая пряжка звякнула о край железной кровати. Ремни безвольно повисли. Ее внезапно опустевшая ладонь оставалась в воздухе. В первый раз на своем веку Маргарет не знала, что делать с руками. Куда их положить. Она разрывалась между стремлением прижать их к его твердой груди, чтобы почувствовать сердцебиение, или сложить их спокойно перед собой.

Лорд Стенхоуп медленно повернул голову влево. Затем выгнул шею самым неестественным образом. По комнате разнесся громкий хруст, и он издал сладострастный стон, более присущий совершенно другим, темным удовольствиям.

– Так намного лучше.

Было бы правильнее продолжить стоя, вытянув руки по бокам. Но в таком случае Мэгги придется смотреть на него снисходительно, сверху вниз, а то, что они должны обсудить, требовало совершенно иного подхода. Без церемоний она уселась подле виконта, едва поместившись на краю постели, учитывая его размеры и раздражающие объемы ее пусть и экономно скроенного платья.

Увидев, как ее юбки взмывают и накрывают его ноги, Джеймс вытаращился.

– Моя дорогая мисс Найтингейл⁶. Ужель вы пришли разглядить мои лихорадочные черты и облегчить мои страдания? – усмехнулся он.

---

⁶ Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании, основательница и организатор современного движения профессиональных медицинских сестер.

Она вздернула бровь.

– Нет. Боюсь, что совсем напротив.

Виконт покачал головой.

– Жаль. Я бы хотел, чтобы вы меня погладили.

Маргарет выпрямилась так, что ее позвоночник, и тез того негнувшийся от тугого корсета, чуть не сломался.

– Ничего подобного, милорд.

– Какого подобного? – спросил Стенхоуп невинно, его взгляд был устремлен вверх, самым подлым и приводящим в бешенство образом.

– Я о том, на что вы намекаете, – прямо произнесла Маргарет. Она достаточно провела времени среди мужчин на поле боя, чтобы знать, что дозволенные намеки рано или поздно приведут к более вульгарному и непочтительному поведению.

Мэгги откашлялась, готовясь подступить к вопросу, о котором и подумать не могла всего каких-то полдня назад. О будущем, которого никак для себя не представляла.

– Нет, если мы собираемся... помочь друг другу.

Во взгляде виконта промелькнула вспышка веселья.

– Если вы считаете это намеками, моя дорогая, то вы лечили девственников. И я ясно дал понять во время нашей последней встречи, что не желаю никакой вашей помощи.

Маргарет хотелось осадить его за это мерзкое предложение, она не слышала ничего хуже, учитывая ее опыт с грубиянами, но разговор не терпел отлагательств. Стенхоуп оказался мастером заговаривать зубы. И ни ей, ни ему не будет пользы, если она попадется на его уловки. Джеймсу нужна помощь Маргарет. А теперь и ей нужна его.

Сжав кулаки и с удовольствием ощутив, как ногти впиваются в мягкую плоть, она посмотрела на него с отработанным спокойствием. Если ад существует, то следующие слова точно обрекут Маргарет на вечные муки... пусть в них и есть доля правды.

– Появились новые обстоятельства... обстоятельства, которые, я полагаю, убедят вас принять мое предложение о помощи.

Стенхоуп закатил глаза и повернул голову в сторону, как будто ирландка была докучливой гарпией, собирающейся заговорить его до смерти.

– Неужели?

Мэгги проглотила последние намеки на угрызания совести и быстро произнесла:

– Я думаю, ваш отец нездоров.

Виконт резко повернулся к ней, его тело дернулось в ремнях.

– Нездоров? – потрясенным голосом проскрипел он. – Говорите.

Приказ был резким и напористым, и Маргарет ощутила на языке горечь вины. В конце концов, она собирается использовать его в собственных целях, даже если и сможет помочь ему в процессе. И господи боже, как он двигается! Он снова стал тигром, дикая энергия и животная ярость били связанное тело, пытающееся вырваться из клетки. Каждый мускул на груди натянулся под тонкой простыней, лицо превратилось в жесткую маску.

– Да говорите же! – прошипел он.

Маргарет сидела молча, ненавидя себя за то, что поступает с ним так жестоко. Но она не может позволить себе жалость. Слишком многое на кону: безопасность ее брата, свобода виконта и осуществление цели, с которой она боролась со времени голода.

Черты Стенхоупа смягчились в некоем подобии отчаяния, и он тихо попросил:

– Прошу вас. Что с ним случилось?

– Он болен, – прошептала Мэгги, горло предательски сжалось... потому что ее слова были такими же правдивыми, как и манипулирующими. – Я заметила несколько мелочей. Слабость, усталость могут ослабить сердце пожилого человека. Это легко понять по его побледневшей коже.

Взгляд Пауэрза настороженно блуждал по ее лицу.

– Он ничего мне не говорил.

– Он и не стал бы, правда? – Было так просто использовать странные отношения между отцом и сыном. Просто и тяжело одновременно. – Особенно учитывая последние события.

Пауэрз отвернулся от нее и уставился в потолок. Очередной острый противный укол совести пронзил броню, воздвигнутую возле ее сердца.

– И он ужасно беспокоится о вас, что только добавляет ему бед.

– Он не должен, – заявил Джеймс упрямо. – Я буду в порядке, когда эти ублюдки отвалятся. В конце концов, со мной, черт возьми, ничего такого не случилось!

– И вы отлично это продемонстрировали, не так ли? – Маргарет указала на окружающее их помещение. – Я так понимаю, вы были практически... без сознания, когда вас сюда доставили.

– Это было ошибкой. Поместить меня сюда. Я бы пришел в себя, если бы меня оставили в покое.

Мэгги чуть не выпалила, что согласно отчетам виконт был не в состоянии даже самостоятельно стоять, испражняться или говорить хоть сколько-нибудь связно, и, очевидно, такое повторяется уже не впервой, потому отец и привез его в это место.

– Но вы здесь. И доктора готовы признать вас недееспособным.

Взгляд Стенхоупа вспыхнул, и черты загорелись негодованием.

– Они, черт подери, не смеют!

– Еще как смеют, – ровно ответила Мэгги. Он должен понять, в каком оказался положении, и ей придется заставить его поверить, что брак – это лучший выход. – Если вы продолжите свои дикие и зачастую публичные выходки, во время которых кажетесь настоящим безумцем, вас ради собственной безопасности навсегда запрут здесь, и тогда не останется никакого наследника титула и никакого шанса на нормальную жизнь.

Пламя во взгляде исчезло, и на руке Стенхоупа дернулась мышца.

– И поэтому отец так обеспокоен?

Тень сожаления, промелькнувшая в этом простом вопросе, чуть не заставила Маргарет сменить тактику, но она уже зашла слишком далеко по этому проклятому пути. И теперь ни за что не свернет.

– Это не единственная причина его волнений, но, разумеется, как пэр, он озабочен наследием столь древнего рода.

– А вас? – спросил виконт равнодушно, его руки сгибались и разгибались, несмотря на связывающие тело ремни. – Вас это заботит?

– Ваша родословная? – Она сжала губы, раздумывая. – Нет. Мне нет никакого дела до ваших дурацких английских традиций. Но ваша возможность жить свободно? Да, это меня очень заботит.

Стенхоуп бесстрастно уставился на нее, а затем укоризненно поднял бровь.

– Вы меня за младенца принимаете?

От одной лишь этой мысли у Маргарет дернулись губы. Пауэрз, без сомнения, родился высокомерным и источал сарказм с самого момента появления на свет.

– Что вы, милорд.

– Вам что-то нужно, – прямо заявил он.

Она кивнула. Разумеется, лучше всего действовать с ним напрямую. Он почувствует, если в ее предложении будет слишком много меда.

– Честно говоря, да.

– Выкладывайте.

Маргарет откашлялась, слова казались крайне неудобными.

– Вы должны понять, что то, что я предлагаю, это не только ради меня.

– Как благородно.

Она прикусила щеку, понимая, что это как оторвать повязку, прилипшую к ране. Нужно просто делать это быстро и уверенно.

– Я хочу, чтобы вы женились на мне.

Воцарившееся молчание сопровождалось хохотом сумасшедшего в коридоре.

Пауэрз созерцал ее с удивительно бесстрастным выражением.

– И еще говорят, это я спятил.

Маргарет не удержалась и ответила:

– В самом деле.

Он раздраженно выдохнул.

– Послушайте, дамочка...

– Выслушайте меня, – громко сказала она, решительно прервав его и настроившись завершить сделку.

Виконт попытался отодвинуться, что было довольно забавно, учитывая размеры койки и тугие кожаные ремни.

– Я лучше голову себе разобью о стену.

Ну, дело идет просто прекрасно.

– Вы меня зачем оскорбляете? Находите меня отвратительной? Отталкивающей?

Это Стенхоупа вроде остановило, и он уставился на сиделку с осторожным любопытством.

– Как много «О». Ваше самолюбие ущемлено моим отказом приковать себя к кому-то вроде вас?

Вроде нее? Было крайне соблазнительно последовать за этой мыслью, но Маргарет не проглотит наживку.

– Тем, что вы скорее согласитесь быть признаны невменяемым, чем жениться на мне? Да, мое самолюбие немного пострадало.

Он нахмурился.

– Вы исключительно красивая женщина, о чем, я уверен, прекрасно осведомлены.

У Мэгги загорелись щеки. Она знала, как мужчины смотрят на нее, как набухает у них в штанах, как блестят глаза от похоти и превосходства только от того, что они мужчины. Даже восхищаясь ею, они, несомненно, представляли ее в более слабом положении, чем то, которое ей удалось выцарапать для себя в этом грубом мужском мире. Она как могла старалась избегать их непрошенных авансов и держалась особняком. Ей необходимо обладать осторожно выработанной репутацией достойного доверия ответственного медицинского профессионала, чтобы преуспеть в мире, где женщина, посмевавшая высунуть нос из дома, считается ничем не лучше шлюхи.

– А. – Во взгляде Стенхоупа медленно появилось что-то вроде веселья. – Значит, вы знаете. Ну и... почему вы желаете выйти за сумасшедшего? – произнес он подчеркнуто драматично. – Устали работать, пока не сотрете свои хорошенькие пальчики до костей?

Его презрительный тон заставлял восставать каждый принцип, выработанный Маргарет за последние годы. Эти принципы она бросала на ветер ради будущего. Не своего будущего. Будущего брата и многих других, которым она сможет помочь.

Вероятно, Маргарет и могла отклонить предложение графа и положиться на милость других вельмож, которым помогла, в надежде избежать матримониальных уз. Но помощь ей нужна срочно. Граф обещал помочь, и не было никакой гарантии, что другой лорд, неважно в каком он перед ней долгу, захочет поддержать ее брата в таком деле.

Потребовалось огромное усилие, чтобы не стереть пощечиной наглое высокомерие с лица лорда Стенхоупа. Боже, как ей ненавистно и само предположение, что она бы пошла за него ради такой мелочи. Но Мэгги удержалась.

И, святые небеса, этот тип прикован к кровати, потому что не может позаботиться о собственной безопасности, но пытается заставить ее чувствовать себя ничтожеством! Так, Маргарет сделает небольшую дырку в иллюзии, что он намного превосходит ее.

– По правде говоря, это ваш отец попросил меня стать вашей женой. Я согласилась с большой неохотой.

Вот так, маленькая колючая фраза ненадолго избавила виконта от пренебрежения, но затем он резко бросил:

– Я вам не верю.

– Он просил меня стать гарантом вашего психического здоровья, чтобы вы смогли унаследовать титул и освободиться от докторов.

– Быть моим тюремщиком, а не женой.

– Разве в каком-то смысле это не одно и то же? – поддразнила она, надеясь хоть на мгновение разрядить обстановку.

Пауэрз замолчал и, казалось, всецело ушел в свои мысли. Его лицо, такое жесткое и натянутое, немного расслабилось. Станный блеск сделал поверхность его ледяных глаз зеркальной, прежде чем он моргнул и произнес:

– Нет. Совершенно точно, нет.

Он смотрел на Маргарет так, словно она обдала его грязью, и это заставило ее почувствовать, что она внезапно обнажила тайную часть себя, которой не касался и луч света. Она неожиданно ощутила себя страшной. Ужасно ничтожной – ничтожнее, чем Пауэрз мог чувствовать себя запертым в сумасшедшем доме. Потому что он, по крайней мере, сохранил остатки веры в брак и любовь.

Как удивительно. Потому что Маргарет совершенно не верила. Не верила большую часть своей жизни.

– Я думал, вы по крайней мере профессионал, мисс Мэгги, но теперь понимаю, что вы просто ищете выгоду. – Стенхоуп попытался пожать плечами и сердито заворчал, когда не получилось. – Не то чтобы я вас виню, моя дорогая. У женщин, похоже, нет иного выхода, как продавать себя, так или иначе.

Ярость – чувство, которое Мэгги так редко себе позволяла, – бушевала внутри ее. Как ей хотелось закричать, что она всю жизнь прожила, не принимая помощи от мужчин; что она помогает другим, а не является обузой для кого-то, – но она подавила протест. Если Пауэрзу нравится считать ее содержанкой, мечтающей поймать богатого покровителя, то пусть так и будет... Это только продвинет ее к цели.

– Так почему бы нам не помочь друг другу?

– Вы дадите мне не очень большой выбор.

Маргарет потрогала пряжку на его груди, пальцем поглаживая холодный металл, удерживающий кожаный ремень. Так близко к его накрытому простыней телу. Такому твердому, что кажется каменным. Это было очень странное занятие, но она все продолжала и продолжала, позволяя пальцу блуждать по металлической застежке.

– Это не меня нашли бродящей по улицам Сент-Джайлза, потерявшей разум... пятый раз за неделю.

Рот виконта сжался в тонкую линию.

– Улицы Сент-Джайлза служат отличной цели.

Маргарет рот открыла, пытаясь понять, как столь образованный человек может сказать подобное... Но, с другой стороны, публичные дома Ист-Энда были полны богатых, титулованных и высокообразованных мужчин.

– Распространению сифилиса?

– Боже. У вас что, нет воображения? – выплюнул он в нетерпении от того, что она не в состоянии понять очевидное в его остром взгляде. – Да. Сифилис процветает. Но я говорю о возможности приобрести то, что заставит замолчать голоса, бесконечно кричащие в голове.

Голоса.

Маргарет знала, что те, кто регулярно злоупотребляют опиумом, могут слышать и видеть разное... Но Джеймс говорит, что опиум нужен ему, чтобы избавиться от голосов. Она перевела взгляд на шершавый каменный пол. Потребуется время, чтобы избавить его от этой привычки, – если это вообще возможно. Несмотря на невероятный успех, Мэгги знала, как много людей возвращались на зов опиума, даже долгие месяцы и годы не прикасаясь к нему. Может, ей однажды придется запереть его на чердаке, подальше от общества и доступа к опиатам? Приставить к нему надежных смотрителей и отрезать его от мира, который он знал и которым правил властной рукой, потому что он больше не сможет функционировать без своего зелья?

Хватит ли у нее мужества так поступить? Смотреть, как Стенхоуп распадается, потому что выбрал боль, а не исцеление?

Нет. Маргарет не сможет. Потому что она не позволит этому случиться. Она спасет его от себя самого и, сделав это, спасет многих других.

Он подозрительно наморщился.

– Вы хотите выйти за меня замуж?

Мэгги кивнула. Она не собирается его просить. Внутренний голос говорил ей, что на такого человека просьбы не действуют.

– Это нам обоим поспособствует.

Его лоб разгладился, и губы вдруг изогнулись в совершенно нелепой самодовольной ухмылке.

– Тогда поцелуйте меня.

Маргарет отодвинулась и отдернула руку от ремня на его груди, словно виконт был дьяволом, а ее рука – святой водой.

– Прошу чертова прощения.

– Ах, ну и ротик у святой. А я только ведь попросил использовать его для чего-то, кроме крика...

– Я не...

– Чего-то, что может расположить меня к вашим нечестивым планам.

– Вовсе не нечестивым...

– Мэгги.

Она захлопнула рот, разозлившись на саму себя. У Пауэрза была репутация соблазнителя. Какой Маргарет была душой, воображая, будто ей удастся сохранить целомудрие как можно дольше или что она сможет перехитрить его... Но она точно собирается попытаться, пока он не поправится, хотя и знает, что ей придется вступить с ним в близость.

– Вы девственница, Мэгги?

Маргарет резко засопела. Она слышала выражения и похуже, но будь Стенхоуп уличным приставалой, она отвесила бы ему оплеуху.

– Не будьте вульгарным.

– Это самый обычный вопрос, и ответ на него поможет понять, что мне с вами делать. Это ведь так? Ручаюсь, что вы даже не целовались.

Мэгги стало обидно, что все это так заметно.

– Откуда вам знать?

– Вы похожи на Святую Деву Марию. С этой вашей сияющей кожей и ренессансными локонами. Грех явно не осквернил вашу божественную плоть. Хотя я первым готов признать,

каким бы губительным для души это ни было, нет ничего греховного в том, чтобы использовать наши тела.

В одном он ошибался. Поцелуи? Их было множество. Все в переулках и на лестницах, по принуждению мужчин слишком пьяных или слишком тупых, чтобы понять, что она скорее прирежет их своим перочинным ножом, чем позволит прикоснуться к себе.

Маргарет задрала подбородок и произнесла фразу, так часто слышанную в детстве.

– Наше тело – храм, его нельзя разрушать.

Губы виконта скривились в порочной усмешке, и он вдруг громко захохотал.

– Моя дорогая святая Маргарет. Вы столько упустили.

– Сэр, вам нечему меня научить, кроме как потерять себя.

– Есть много приятного в том, чтобы терять себя.

Он был демоном, требовавшим, чтобы она плясала под его соблазнительную мелодию, искушающим идти по опасной дороге... И Мэгги собирается за него замуж? О, судьба может быть очень жестокой.

– И посмотрите, к чему вас это привело, – возразила она.

– Мэгги, дорогая, необязательно терять себя полностью. Только на мгновение или два. Честное слово, это не сведет вас с ума. А теперь поцелуйте меня, и я подумаю над вашим предложением.

Никто никогда не пробуждал в Маргарет таких чувств. Она не реагировала, она действовала. Но с этим безумцем и этим нелепым прозвищем Мэгги в ее груди закипала ярость. Потому что Стенхоуп переворачивал все ее внутренности и бросал ей в лицо всю ее жизнь. Как он смеет судить ее? Как смеет намекать, что ей стоит потерять себя?

Все в этом мире научило Маргарет, как важно выбирать верный путь, жить правильно и никогда не позволять эмоциям одержать над собой верх.

Он вот потерял себя и теперь привязан к кровати в ожидании следующей инъекции. И все же...

Его натура. Сила и упрямство противостояли гнетущему запаху поражения, скрывающемуся в этом месте. Даже в таком полуодурманенном состоянии его глаза были двумя осколками оценивающего вызова. Вызова рискнуть всем, чтобы получить необходимое. И его рот: он был искушающими воротами в ад.

Маргарет не понравится прикосновение его губ. И ремни не позволят ему схватить ее и прижать к себе. Она сможет контролировать поцелуй.

Она изучала мягкие губы.

Так много зависит от этого поцелуя. Его свобода, которой, несмотря на его ужасное поведение, она для него желала. И его отец. Ее собственная способность выполнить свое дело – спасти жизнь брата.

Чего это будет стоить? Прикосновения губ?

Медленно, небрежно Маргарет опустила ладони по обеим сторонам его широких плеч, прямо на грубый матрас. Это движение заставило ее почувствовать себя неожиданно голой, несмотря на слои нижнего белья и глухой лиф платья. Наклонившись, она поняла, что не сможет поцеловать его, не дотронувшись до него телом.

С крохотными рывками ткани ее негнувшийся лиф цеплялся за его сорочку. Жар его тела проникал через слои ее наряда и белья. У Мэгги резко перехватило дыхание, когда она грудью прижалась к его твердому телу. К телу не живого человека, а бога, сброшенного на землю за свои преступления.

Маргарет зависла над ним, задумавшись о том, как сильно его тело отличается от ее. И потом медленно опустила губы к нему.

Она была готова к небрежному быстрому поцелую, но когда ее губы прикоснулись к нему, она задохнулась. Нежный и резкий одновременно поцелуй перенес ее в какое-то

неведомое, прекрасное место. словно простое прикосновение его губ могло поглотить ее целиком. Осторожный, ненастойчивый, щедрый, его рот медленно двигался под ее губами, и она неожиданно осознала, что делает невыносимое: Маргарет целовала его в ответ.

Глубоко внутри расцветало удовольствие, обжигающее ее кожу каким-то невиданным образом, и она потрясенно открыла рот. И тогда его бархатный язык прикоснулся к уголку ее рта. Подстегивая ее, отпуская в мир, о существовании которого она не могла и подумать. Уж точно не между ними.

Затем очень медленно Стенхоуп повернул голову и легко поцеловал ее шею. Мэгги не могла пошевелиться и оставалась висящей над ним, убаюканная его гипнотическим даром.

– Да, – прошептал виконт, его голос глухо отдавался в горле Мэгги. – Я женюсь на вас.

Глава 6

Доктора были недовольны. Маргарет чувствовала их холодные мужские взгляды, уверенные, что женщина ни за что не может быть умнее или способнее их. Презрительные голоса звучали у нее в голове: «Крайне не рекомендуется. Выздоровление невозможно. Опрямительно. Женская истеричная прихоть».

Она все выслушала, стоя рядом с графом, перенеся все нападки до конца... и его светлость тоже. Ни один из них не уступил, что привело к препровождению Пауэрза из его камеры в кабинет, где его должны отпустить. Маргарет не сомневалась, что, не будь Пауэрз лордом или не имей покровительства влиятельного отца, его бы вообще не выпустили.

Внутри зашевелилось знакомое чувство неуверенности. Оно преследовало Маргарет всю жизнь, но она научилась с ним справляться, умирять его, чтобы никто не видел, как она волнуется или как что-то задевает ее.

Несмотря на это, пока она и два смотрителя эскортировали Джеймса со связанными спереди руками по темному коридору, она чувствовала нарастающую тревогу. Согласятся ли доктора в самом деле его отпустить? Они должны. У них нет выбора. Даже если бы они прямо признали его сумасшедшим, при отцовском титуле Пауэрз мог бы быть переведен под частную опеку. Так что нет никакой нужды беспокоиться. Это просто отголоски детских страхов, одолевавших Мэгги время от времени, и она не могла позволить, чтобы их видели. Нет. Она должна выглядеть спокойно и уверенно, пусть все считают ее нервной дамочкой.

– Эй, детка.

Ирландка поморщилась. Она привыкла к неуважению в подобных ситуациях. Казалось, мужчины ненавидели женщин, обладавших хоть какой-либо властью. И если обращать внимание, станет только хуже.

– Давай поторапливайся. Ты что там, читаешь молитвы, как все чокнутые католики? – смотритель слева засмеялся.

Другой отозвался:

– Это все ее женский умишко. Не поспекает за ногами.

Внезапно смотритель оказался припертым к стене. В его горло впились путы Джеймса, светлые волосы упали на лицо, и он прошипел:

– Леди Маргарет.

– Ч-что? – булькнул смотритель, его лицо быстро распухало от грубого давления на гортань.

Второй смотритель попытался схватить Пауэрза, но тот ударил его по колену, заставив опуститься на землю. Пауэрз усилил нажим на мясистую шею припертого к стене человека.

– Ее имя – леди Маргарет. Не детка. Она леди, и католичка или нет, ты, черт подери, гораздо ниже ее по положению.

Маргарет стояла возле Пауэрза, не вмешиваясь. Ей не хотелось рисковать, в гневе он мог зайти еще дальше, но нельзя позволить Джеймсу продолжать, если он хочет когда-либо покинуть это место.

– Милорд, благодарю вас, что вступились за мою честь.

Он не ответил, сосредоточился на втором мужчине и произнес с ужасающей холодностью:

– Как ее имя?

Смотрителя немного трясло, взгляд метнулся в сторону коллеги, по-прежнему стонавшего на полу.

– Л-леди Маргарет.

Пауэрз медленно кивнул.

– Правильно. И ты ниже ее?

Смотритель кивнул.

Маргарет подняла руку, не решаясь дотронуться до лорда Стенхоупа.

– Милорд...

– Говори. – Пауэрз сорвался, игнорируя ее попытки унять его.

– Д-да, – прохрипел смотритель. – Я ниже ее.

Виконт отпихнул его и, подняв обе руки, убрал волосы с лица. Из-за веревки на запястьях жест показался почти звериным. Но в его взгляде не было ничего дикого. Только спокойствие, собранность, контроль. Каждое движение было хорошо просчитанным.

– Вы пялитесь. Крайне невежливо.

У Маргарет слегка приоткрылся рот.

– Я... – Она понятия не имела, что сказать. Поблагодарить его за то, что встал на ее защиту, хотя многие не сделали бы ничего подобного для женщины, и что еще хуже – ирландки, посмевавшей высунуть нос из дома? Или отчитать за поведение, только подкрепляющее мнение докторов в оценке его рассудка?

– Вы хоть понимаете, что я много раз слышала речи и похуже? – осторожно спросила Маргарет.

Взгляд Стенхоупа стал стальным.

– Это меня не волнует. В моем присутствии к вам должны относиться с должным уважением.

Она внимательно оглядела его и сказала:

– Спасибо. Ваши методы несколько резки, но я ценю проявленную заботу.

На какое-то мгновение его лицо как будто смягчилось, и за жесткой оболочкой показался настоящий Джеймс. Он спокойно посмотрел на Мэгги сверху и уверенно произнес:

– Не стоит благодарности.

Пока смотрители, пошатываясь, поднимались с пола, Маргарет сердцем ощутила нечто, что ей совсем не понравилось. Вопреки благоразумию, ее привлекал этот колючий человек, прятавшийся за сарказмом и опиумом. Потому что глубоко внутри он был бесповоротно ранен... так же как и она сама.

Ударенный смотритель встал на ноги и, расправив плечи, стукнул Пауэрза локтем в скулу. Голова лорда дернулась, и хотя его глаза горели от ненависти, он ничего не сделал.

Внутри у Мэгги все сжалось, но она не удивилась.

– Прекратите!

Широкое лицо смотрителя скривилось.

– Он бешеный пес, и получит что заслужил.

Второй смотритель ударил Пауэрза в живот. И хотя виконт немного согнулся, он не упал, не издал ни звука и не сопротивлялся.

Его титул не имел значения. В глазах смотрителей он был не более чем животным, и в этом месте властью обладали они.

Из-за нее... Из-за нескольких грубых слов он ударил санитаря, хорошо понимая последствия. И поэтому он ничего не делал.

Ее сердце неожиданно сжалось от двойственных чувств. Как такой человек, как Пауэрз, мог любить? Отдаться любви полностью и без остатка, и поэтому он потерял себя. Ведь все, что он любил, исчезло с этого света.

Виконта Пауэрза не так-то легко понять. Но скоро у Маргарет появится достаточно времени, чтобы узнать его. И у нее это получится.

– Ты не можешь этого сделать! Он враг. – Мэтью смотрел в спокойное лицо сестры, поражаясь, как все его мечты так внезапно разбились.

– Ах, Мэтью, это совсем не так. – Маргарет поднесла руку к лицу и потерла висок. – Тебе нужна помощь. И это поможет.

Слова сестры предательски звенели в его голове. Весь день он провел в ее комнате, прячась, мечтая, как скоро он тайно встретится с остальными, и надеясь, что, может быть, Маргарет к нему присоединится. А теперь?

– Это уничтожит нас.

Мэгги покачала головой.

– Нет. Ты и глупые действия твоих дружков уничтожат нас.

– Сорока, – заявил Мэтью, – он один из них.

Всю жизнь он не знал ничего яснее разницы между по-настоящему верными ирландцами и английскими ирландцами, которые, притворяясь, что они такие же, как англичане, задирали носы и мечтали, чтобы все настоящие обитатели Эйре⁷ вымерли.

– Вовсе нет. – Глаза Мэгги метали огонь. – Он помогал ирландцам.

Мэтью передернулся; он с трудом мог поверить, что подобный бред может исходить из уст его сестры.

– Он послал деньги. Деньги? Что они могут?

– Очень многое. – Она вся кипела, еще щеки покраснели от злости. – Что вообще можно сделать без денег?

– Иуда тоже взял деньги.

Маргарет очень долго не отвечала.

– Если ты так это воспринимаешь, тогда да, я Иуда. Я возьму свои сребреники и спасу тебя.

Мэтью едва не кричал от казавшегося настоящей пыткой чувства, что его сестра решила оставить его. Господи, лучше предстать перед расстрельным взводом, чем смотреть, как она идет по этому пути!

– И ты знаешь, что случилось с Иудой?

– Он повесился, – мягко сказала Мэгги.

– Ага. Ты этого хочешь? Предательства на своей совести?

– Ты дурак, Мэтью Кассиди.

– О нет. Я – единственный, кто видит истину. Мы никогда не сможем быть свободны, если примем их помощь.

– И ты приравниваешь свободу к смерти? Ибо, судя по тому, что я вижу, ты стоишь именно на этом пути.

– Моя смерть поможет моему народу...

– Господи, Мэтью! – Она вцепилась руками в свои рыжие кудри. – Ты хоть сам себя слышишь? Ты пришел ко мне за помощью. Ты в бегах. За твою голову назначили цену. И ты говоришь, что поможешь своему народу. Твои действия сделали тебя для него совершенно бесполезным!

Мэтью замер. На его памяти Маргарет впервые за долгие годы была в такой ярости. Когда-то она вся была огонь и искры, брань легко срывалась с ее губ. Он с радостью бы увидел это снова, но только не так: не направленную на него и его цель.

– Не такой помощи я от тебя ждал.

– А что я должна была сделать?

– Присоединиться ко мне.

Она побледнела.

– На моих руках не будет крови.

---

⁷ Эйре (англ. Eire) – Ирландии на коренном языке.

– Дерево свободы должно окропляться кровью патриотов и тиранов, – процитировал Мэтью.

Она сжала губы.

– Томас Джефферсон.

– Именно. Великий человек. Великий мыслитель. Разве ты не восхищалась им?

– Я не испытываю восхищения перед человеком, который считает решением кровопролитие.

– Свобода восстанет из крови, – ответил Мэтью. – Ты просто боишься признать это. Боишься собственной силы, Маргарет.

– Я боюсь того, как все это закончится, – прошептала она. – Боюсь за всех, кто погибнет.

– Это случится. Война. – Стук сердца Мэтью отдавался у него в ушах. Как это случилось? Откуда вообще возник этот разговор? Он резко вдохнул и продолжил: – И вопрос в том, на какой стороне ты? На стороне патриотов или тиранов?

– Ты не можешь видеть мир только черным и белым.

– Могу и делаю это. Есть мы, и есть они.

– Я выйду за него замуж, – произнесла она ровно.

– За тирана.

Маргарет сощурилась.

– Этот тиран спасет твою жизнь.

– Я скорее умру.

Глаза Маргарет наполнились слезами, но лицо оставалось непреклонным.

– Ты говоришь, как глупый ребенок.

– Невинный и чистый, хочешь сказать. – Ему хотелось схватить ее, заставить понять.

Но он этого не сделал. Если Маргарет приняла решение... Он проглотил слезы.

– Чистый? – Она горько усмехнулась. – Ты совершил убийство, Мэтью.

– Но ты же мне все равно помогаешь. Кем это делает тебя?

– Твоей сестрой.

Мэтью сглотнул. Он был в ужасе от того, что собирался сказать.

– Если выйдешь за него, ты для меня умерла.

– Это ты сейчас так говоришь, Мэтью. Но когда ты окажешься загнанным, в одиночестве, в темном углу, и твои дружки бросят тебя, тебе понадобится этот тиран.

– Не сейчас, – произнес он тихо.

– Ты хоть представляешь скольким я смогу помочь, имея состояние Карлайла? Я могу прекратить смерть! Голод! Невежество!

– А-а. Ну и кто теперь наивен, дорогая сестрица?

– Я выбрала правильный путь.

Он покачал головой.

– Ты выбрала легкий путь.

– Легкий? – повторила она глухим голосом. – Выходя за человека, которого не люблю?

– Ради денег, – добавил Мэтью. – Знаешь, кем это тебя делает?

– Это делает меня твоей спасительницей.

У Мэтью упало сердце, внутри было так тяжело, что он едва мог говорить, но он был должен.

– Чувствуешь себя праведницей, так, Маргарет? Приносишь себя в жертву англичанам? Ты об этом мечтала с тех пор, как умер Па. Помнишь, что стало с ним? Он играл по их правилам. Потворствовал им. Умолял их. Почему ты думаешь, что с тобой будет иначе?

Маргарет побледнела.

– Они раздавят тебя своим английским превосходством. Вот что случится.

– Ты ошибаешься.

Его плечи поникли.

– Ну и ладно. Выходи за него. Спаси нас всех. Твоя жертва, без сомнения, войдет в анналы ирландской борьбы.

Взгляд Мэгги потемнел от смирения.

– Ты стал жестоким.

– Я был выкован на углях страданий нашей страны.

– Это должно быть чудесно, – тихо сказала она, – быть так уверенным.

– Это чудесно, – ответил он просто. – И я Бога молю, чтобы ты присоединилась ко мне, Сорока.

– Нет. Я не поведу мальчишек на смерть.

– Тысячи мальчишек уже мертвы. Умерли на полях без всякой надежды, без уважения.

По крайней мере, теперь они умрут за что-то.

– Я больше не стану с тобой спорить. – Маргарет опустила руки на юбки и двинулась к двери. Потом обернулась через плечо. – Я делаю это для тебя. Для Ирландии.

– Нет. – Мэтью опустился на узкую кровать. – Ты делаешь это для себя, чтобы думать, что осталась с чистыми руками, пока англичане мучают нашу землю.

– Когда я понадобится тебе, Мэтью, я буду рядом. Со своими английскими деньгами и английской властью. И тогда увидим, кто выбрал правильный путь.

С этими словами она выскользнула за дверь, далеко от него и от всего, на что он надеялся.

Глава 7

Джеймс вертел в ладони миниатюрный портрет Софии, сжимая его облаченной в белую перчатку рукой. Он поклялся себе, что никогда больше не женится. Но теперь, стоя под портиком одной из церквей Кристофера Рена⁸ со шпилем цвета слоновой кости, он понял, что сделает что угодно, чтобы не вернуться в высасывающую человеческую душу лечебницу.

В конце концов, цена была не такой уж большой.

Стенхоуп видел психиатрические больницы и раньше. Он помог вытащить из одной жену своего друга. То, что он испытал, было скорее раем, по сравнению с опытом пленников в том месте, где содержали Мэри. Но все же он чувствовал, как медленно исчезает, лишенный возможности контролировать собственные повседневные действия. Повседневные дела? Он погладил оправленный в золото портрет. Ему не давали самостоятельно мыться, и доктора изучали цвет его мочи и экскрементов.

Только ирландка поняла, что ему там не место.

Все же эта женщина действовала вовсе не из благородных побуждений. Она что-то от него скрывает, какую-то важную причину вступления в этот союз, и он собирается выяснить какую. Со временем. Маргарет Кассиди – настоящая дура, если полагает, что сможет его контролировать. Никто больше не отберет у него жизнь, и он не позволит собой манипулировать.

Джеймс запрокинул голову, стараясь поймать холодный утренний ветер, пропитанный влагой разбивающегося о площадь дождя. Он давно не испытывал ничего столь чудесного. Если бы он мог, то стоял бы под этим дождем, позволив промочить себя насквозь и смыть всю отраву того места и воспоминания, которые эта леди в нем пробудила.

Он никогда ей этого не простит: того, что вернула его жену и ребенка и их гибель в его мысли.

Один из экипажей отца подкатил к ступенькам, черные колеса постукивали, белые кони скидывали промокшие гривы.

Протокол предполагал, что теперь Джеймс должен укрыться в церковном нефе и проследовать к алтарю. Поступить так было бы наиболее разумно, но мисс Мэгги полагала, что над ним еще следует поработать. Поэтому он не станет этого делать. В действительности, он собирается заставить ее поработать над его выздоровлением. Если она полагает, что он облегчит ей участь этого брака, то будет удивлена.

На этот раз на его сердце не было вины; дверь кареты откинулась, плечи ливрейного лакея были идеально прямыми, несмотря на усиливающийся шквал. Маргарет толкнула Джеймса на этот брак ради собственных капризов. Брак или жизнь в настоящем аду. Наверное, она не слишком тщательно оценила его характер, прежде чем решила осуществить свой опрометчивый план. Потому что совсем не учла, что признанный вменяемым, как ее муж он будет обладать властью над ней.

Лакей подошел к экипажу, и появилась тонкая рука невесты, опущенная на предплечье слуги.

У Джеймса вырвалась невольная усмешка. По крайней мере, у этой дамы подходящее чувство юмора.

Потоки черного бомбазина изверглись из кареты с ее появлением. Благодаря современной моде, Маргарет с трудом могла протиснуться в небольшую дверцу в своих юбках.

---

⁸ Кристофер Рен (англ. Christopher Wren; 1632–1723) – английский архитектор, перестроивший центр Лондона после великого пожара 1666 года. Создатель национального стиля английской архитектуры – реновского классицизма.

И когда показалось ее лицо, оно было прикрыто, как и полагается невесте... его закрывала черная кружевная вуаль.

Она была в трауре.

По своей жизни, надо полагать. Ах, было бы превосходно, если бы Джеймс смог добыть траурную ленту. Они проследовали бы к алтарю в супружеской скорби.

Капли дождя падали на нее, шлифуя, словно мокрый обсидиан. Прежде чем его отец успел выбраться вслед за Маргарет, она уже направлялась вверх по ступеням уверенными шагами; огромный колокол ее юбок создавал странное впечатление, что она парит в воздухе. Потусторонний призрак из дождя и тумана, который явился забрать Джеймса.

Когда Мэгги добралась до вершины ступеней, лорд только вышел из экипажа; он слегка кивнул.

Маргарет протянула облаченные в черные кружевные перчатки руки, кончики пальцев проглядывали сквозь ткань.

– Вам нравится? – спросила она.

– Необычайно соответствует такому событию.

– Благодарю вас. – Лица не было видно, но тон казался необычайно шутивным. – Это мое единственное приличное платье.

Джеймс предложил ей руку. Траурный наряд? Кто умер? Он вдруг понял, что почти ничего о ней не знает.

– Я думала, ваш отец поведет меня к алтарю.

– Мой отец уже достаточно сделал для этого события.

Стенхоуп мог поклясться, что она рассмеялась, но звук заглушала вуаль, и прежде чем они наговорили еще больше чепухи, он взял ее маленькую руку, положил на свой сизый сюртук и повел ее внутрь.

Они прошли половину нефа, юбки невесты хлопали Джеймса по ногам, когда она несильно его дернула.

– Да? – спросил он. – Сомнения? Может, вы передумали? Вернете мне мой рассудок без всяких клятв? А?

– Никаких сомнений, милорд. Я совершенно тверда в своем решении.

– Тогда в чем причина столь неделикатного обращения с моей персоной?

– Вы идете слишком быстро.

– Неужели?

– Ваши ноги значительно длиннее моих.

Он наклонил голову.

– Мне не видны ваши ноги, поэтому я не могу оценить верность вашего заявления.

– А еще я значительно ниже.

Лорд Стенхоуп помедлил и нарочито внимательно оглядел ее. При таком росте, чтобы поцеловать Мэгги, ему придется ее поднять... или найти табурет.

При одной мысли о том, чтобы поцеловать Маргарет, его мозг поплыл, возвращаясь к тому поцелую, когда он был привязан к койке. Это был самый невинный поцелуй за всю его жизнь вне брака, но пронзившее его пламя было сильнее и требовательнее, чем все, что он когда-либо испытывал. В чем он намерен был обвинить морфий, а не женщину, склонившуюся к нему и прикоснувшуюся к его губам с таким трепетом.

– Милорд? С вами все в порядке?

– А вы бы обрадовались, если нет?

– Это совсем не так...

Он отмахнулся и немного медленнее двинулся в сторону их обоюдного несчастья.

Церковь была пуста, не считая шедшего позади отца и добродетельного епископа, ожидавшего их у алтаря, крепко сцепившись руками в молитвенник. При отсутствии тел, погло-

щающих звук, шаги нареченных гулко стучали по зеленым и розовым мраморным плитам. Каждое движение ноги становилось резким ударом дурного предзнаменования.

Предыдущий брак Джеймса был совершенно иным. Он венчался в соборе Святого Павла. Собор был так переполнен публикой, что люди выходили за пределы церкви, и...

Он отогнал воспоминания. Нельзя позволять себе думать о прошлом. Или он моментально отправится обратно в Сент-Джайлз. Этого Джеймс сейчас не может допустить.

Через показавшееся вечностью мгновение они оказались перед старым морщинистым епископом. Священник не улыбался. Напротив, он казался мрачным типом, которому известно, что он венчает сумасшедшего и католичку. Но благодаря обещанному вознаграждению епископ, вероятно, отнесся благосклоннее к срочности и необычным обстоятельствам этого союза. Отец Джеймса умел быть весьма убедительным.

Церемония началась, и как только старик забормотал, Джеймса бросило в жар. Это совершенно сбilo его с толку. Он только что был собран, счастливо мучил свою будущую супругу. А сейчас? Его кожа чесалась, желудок метался внутри, а сердце пустилось вскачь.

Клятвы виконт слышал через туман тошноты. Он потряс головой, пытаясь прийти в себя, но паника нарастала, и начали дрожать руки. Что с ним происходит? Ладони в перчатках стали влажными от пота, и он чувствовал странное желание отогнуть ткань и вытереть руки о штаны. Самым неблагопристойным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.